

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

**Институт философии
Кафедра философии и культурологии Востока**

**Выпускная квалификационная работа на тему:
ОБРАЗЫ ВОСТОКА ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ АМИНА МААЛУФА**

По направлению – 510401 «Культурология»

Основная образовательная программа – ВМ.5677.2015 Художественная культура
Востока

Рецензент: к.и.н.

Казурова

Наталья Валерьевна

Выполнил: студент

Аминова

Надежда Алексеевна

Научный руководитель:

доктор философских наук,

профессор

Туманян Т.Г.

Санкт-Петербург

2017 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Эволюция образа Востока в современной литературе.....	9
1.1 Основные тенденции в современной арабской литературе.....	9
1.2 Исторический роман в арабской литературе.....	12
1.3 Специфика изображения Востока в творчестве Амина Маалуфа.....	15
Глава II. Амин Маалуф и тематика его произведений.....	17
2.1 Судьба и творческий путь Амина Маалуфа.....	17
2.2 Отношение Амина Маалуфа к истории.....	25
2.3 Автобиография через возвращение к истокам в романе «Origines».....	28
Глава III. Образы Востока в романах Амина Маалуфа.....	30
3.1 Роман «Лев Африканский».....	30
3.2 Романы «Самарканд» и «Сады света».....	34
3.3 Роман «Скала Таниоса».....	37
3.4 Роман «Врата Леванта».....	42
3.5 Роман «Странствие Бальдасара».....	51
3.6 Роман «Les Désorientés».....	57
Глава IV. Основные проблемы в творчестве Амина Маалуфа.....	60
4.1 Позиция Амина Маалуфа относительно идентичности.....	60
4.2 Новый взгляд на историю Крестовых походов.....	65
4.3 Мировой кризис и истощение цивилизаций.....	68
Заключение.....	72
Список использованной литературы.....	74

Введение

До недавнего времени изучение Востока велось в рамках парадигмы Другого и, несмотря на то, что образ Востока в западной литературе хорошо исследован, тем не менее, в данном случае мы можем говорить только о Востоке глазами Запада или западном образе Востока, но не действительно объективном исследовании. Публикация работы Э. Саида «Ориентализм» [Said, 1978], вызвавшей полемику в среде учёных и исследователей, поставила под вопрос привычные методы востоковедения и указала на необходимость нового научного поиска, который можно обозначить как Восток глазами самого Востока.

В связи с этим особую ценность для культурологического исследования представляет собой творчество ливанского франкофонного писателя Амина Маалуфа. Будучи человеком, живущим на стыке границ двух миров: западного и восточного, в своём творчестве Маалуф пытается осмыслить основные актуальные проблемы современности, но для достижения этой цели чаще всего выбирает на первый взгляд необычный способ, а именно жанр исторического романа.

Жанр исторического романа представляет собой неоднозначное и противоречивое явление. Являясь по своей сути сочетанием реальных исторических фактов и художественного вымысла, он выражает в большей степени конфликты и противоречия, существующие вне определённого времени, нежели присущие тому культурно-историческому пространству, в котором разворачиваются события романа. К проблеме изображения прошлого и связи этого изображения с современностью обращались Георг Вильгельм Фридрих Гегель в своих «Лекциях по эстетике или философии искусства» [Гегель 1938: 271-287], Михаил Михайлович Бахтин в исследованиях, посвященных теории романа [Бахтин 2012: 489-503; 608-643], а также сами авторы исторических романов, например, Лион Фейхтвангер в своём докладе «О смысле и бессмысленности исторического романа» [Фейхтвангер 1968]. В свою очередь все вышеуказанные деятели

сходятся во мнении, что исторические романы неизбежно транслируют проблемы современности, используя прошлое либо для указания на вневременность и глобальность поднимаемой проблемы, либо для поиска исторических истоков современных явлений.

Поэтому жанр исторического романа представляет интерес не в качестве источника для изучения того культурно-исторического пространства, которое было избрано в качестве места разворачивающихся событий произведения, а того, в котором исторический роман создаётся, в котором существует автор произведения.

Также большинство исследователей данного жанра, к которым относятся Щеблыкин И.П., Баканов А.Г., Орлов С.А., Старикова Н.Н., Петров С.М., выделяют особую идеологическую функцию исторического романа [Щеблыкин 1972: 33. Баканов 1989: 8. Орлов 1960: 444. Старикова 2006: 22. Петров 1964: 4]. Эта функция подразумевает обращение автора исторического романа к событиям прошлого какого-либо народа в целях поиска и выделения его национальной самобытности и идентичности, а также усиления патриотических чувств. Данный механизм работает в том случае, когда автор обращается к историческим событиям, непосредственным образом повлиявшим на формирование национального самосознания: периоды максимального расцвета культуры или, наоборот, ситуации, когда народ должен консолидировать свои силы, чтобы дать отпор врагу, захватчику или интервенту.

В случае Амина Маалуфа мы видим обращение к истории не одного народа, а целого культурного региона, а именно Востока. Под термином Восток здесь и далее подразумевается мусульманский геокультурный регион, который простирается от Северной Африки до Средней Азии, а также, учитывая исторический контекст, включает христианский Восток и Восток зороастрийский. Некоторые исследователи творчества Маалуфа предлагают для обозначения данного концепта ввести особый термин – пан-Восток (Pan-Orient) [Dakroub 2011: 6], но в данной работе используется термин Восток, подразумевая вышесказанное уточнение.

Обращаясь к истории Востока в своих романах, Маалуф формирует основу для осознания культурной идентичности этого региона, указывая на то, что несмотря на множество современных стереотипов и спекуляцию историческими фактами в политических целях, вопрос идентичности Востока оказывается намного более глубоким и запутанным, нежели его пытаются представить сегодня. Таким образом, литературный голос Амина Маалуфа представляет сегодня тот самый взгляд с Востока на Восток, говорящий об актуальных проблемах современности, а именно о необходимости поиска нового наиболее приемлемого способа сосуществования культур в условиях современного мира.

В своих романах Маалуф концентрирует внимание на отношениях Востока с Западом на протяжении веков, выбирая периоды их соприкосновения или столкновения. С одной стороны, Маалуф показывает то, что он сам называет «положительными примерами» истории, то есть периоды наиболее тесного и продуктивного контакта, с другой же стороны, он не обходит стороной самые трагичные периоды столкновений.

Актуальность исследования творчества Амина Маалуфа подтверждается тем фактом, что множество исследователей занимаются изучением творчества данного писателя, фокусируясь на разных его аспектах. Большую часть составляют исследования особого концепта идентичности, предложенного Маалуфом. К этому вопросу обращаются Кристиан Шоле Ашур [Achour, 2006], Эвелин Арго [Argaud, 2006], Жумана Байе [Bayeh, 2010], Жорж Кальдерон [Calderón, 2008], Жан-Пьер Кастеллани [Castellani, 2005], Каролин Дюпон [Dupont, 2008], Оттмар Эт [Ette, 2010], Энтони Жоа [Joae, 2009], Жозеф Маалуф [Maalouf, 2014], Стефан Мурад [Mourad, 2006] и Невин ал-Носсери [El Nossery, 2009]. Также довольно часто можно встретить исследования, посвященные гетеролингвизму произведений Маалуфа. Этот аспект изучали Фида Дакруб [Dakroub, 2011], Майя Халед [Khaled, 2017], Мари Нодан [Naudin, 2002]. Исследованием принципов историзма в творчестве Маалуфа занимались Карин Бурже [Bourget, 2006], Абдалла Уали Алами [Alami, 2005], Наджиб Редуан [Redouane, 1999]. С

лингвистической точки зрения творчество Маалуфа исследовали Абдалла Уали Алами [Alami, 2003], Фатиха Булафрад [Boulafrad, 2009], Рене Аж [Hage, 1995]. А также в 2016 году Региональная Ассоциация выпускников Университета Аквитании (ARDUA) организовала конференцию, полностью посвященную произведениям Амина Маалуфа, по итогам которой вышел сборник докладов [Sorop, 2016].

Стоит отметить, что вышеуказанные исследования по большей части являются небольшими статьями и гораздо реже монографиями, фокусирующимися на каком-либо одном аспекте творчества Амина Маалуфа, в то время как авторитетных комплексных исследований данной темы в западной литературе нет. В то время как в отечественной науке творчество писателя до сих пор остаётся неизученным.

Выбор данной темы, в том числе обусловлен и тем фактом, что Амин Маалуф является очень известным современным писателем. Его книги переведены на двадцать семь языков, и читают их как на Западе, так и на Востоке. Маалуф часто становится участником интервью и обсуждений на телевидении, а иногда его заявления становятся объектом острой полемики, что в очередной раз подтверждает актуальность темы данной работы.

Целью данной работы является осуществление наиболее разностороннего и объективного анализа образов Востока в творчестве Амина Маалуфа. Исходя из вышеуказанной цели, были поставлены следующие задачи:

- Проследить историю процесса формирования и развития образов Востока непосредственно в восточной литературе, выявить их существенные признаки и сравнить с образами, созданными Маалуфом, что позволит определить место творчества Маалуфа в этом процессе;
- Исследовать творческий путь и судьбу Амина Маалуфа, социально-политическую обстановку на Ближнем Востоке и во Франции в период формирования его как писателя, а также его автобиографические произведения и интервью с ним;

- Проанализировать художественные произведения Амина Маалуфа: «Léon l'Africain» – «Лев Африканский», «Samarcande» – «Самарканд», «Les Jardins de lumière» – «Сады света», «Le Rocher de Tanios» – «Скала Таниоса», «Les Échelles du Levant» – «Врата Леванта», «Le Périples de Baldassare» – «Странствие Бальдасара», «Les Désorientés» – «Запутавшиеся»;
- Проанализировать публицистические произведения Амина Маалуфа: «Les Croisades vues par les Arabes» – «Крестовые походы глазами арабов», «Les Identités meurtrières» – «Убивающие идентичности», «Origines» – «Истоки», «Le Dérèglement du monde : Quand nos civilisations s'épuisent» – «Мировой беспорядок: когда наши цивилизации исчерпали себя».

Предметом данного исследования являются образы Востока в творчестве Амина Маалуфа. Объектом исследования являются сущностные признаки Востока, выделяемые Амином Маалуфом, которые реализуются в таких компонентах культурного пространства, как сценарии человеческого поведения, законы социума, а также его ценностные установки.

С целью соблюдения принципа научной объективности в данном исследовании используется несколько методологических подходов. Эволюционный метод позволяет определить место образов Востока, созданных Амином Маалуфом, в арабском литературном процессе, оценить их отношение к литературной традиции и новизну. Биографический метод даёт возможность оценить степень влияния фактов биографии писателя на его творчество. Художественные произведения Маалуфа исследуются в контексте структурно-семиотического подхода, что позволяет проанализировать образы Востока не только на формальном уровне, но и на более абстрактном смысловом уровне, а публицистические произведения рассматриваются в русле герменевтического подхода с целью исследования творчества Маалуфа в качестве факта культуры.

В данной работе исследуется корпус из семи романов Амина Маалуфа:

1. «Léon l'Africain» – «Лев Африканский»,

2. «Samarcande» – «Самарканд»,
3. «Les Jardins de lumière» – «Сады света»,
4. «Le Rocher de Tanios» – «Скала Таниоса»,
5. «Les Échelles du Levant» – «Врата Леванта»,
6. «Le Périple de Baldassare» – «Странствие Бальдасара»,
7. «Les Désorientés» – «Запутавшиеся»,

а также 4 публицистических произведения автора:

1. «Les Croisades vues par les Arabes» – «Крестовые походы глазами арабов»,
2. «Les Identités meurtrières» – «Убивающие идентичности»,
3. «Origines» – «Истоки»,
4. «Le Dérèglement du monde: Quand nos civilisations s'épuisent» – «Мировой беспорядок: когда наши цивилизации исчерпали себя».

Глава I. Эволюция образа Востока в современной литературе

1.1 Основные тенденции в современной арабской литературе

На протяжении многих веков главенствующей формой в арабской литературе была поэзия, в то время как художественная проза долгое время оставалась в тени. Тем не менее, с середины VIII века художественная проза возникает в арабской литературе, с одной стороны, под влиянием развитой культуры завоеванных и исламизированных народов, с другой стороны, на основе собственно арабской традиции ораторского искусства и произведений эпистолярного жанра (*тарассуль*) [Фильштинский, 1985: 244]. Своего расцвета арабская проза достигает в период позднего Средневековья, когда появляется развитая система прозаических жанров, таких как литература путешествий, географические и исторические сочинения, биобиблиографические словари *табакат*, суфийская и философская проза.

Начало современного этапа развития арабской литературы, которое относится ко второй половине XIX – началу XX века, охарактеризовалось кризисом художественной прозы, поскольку арабская литература, долгое время остававшаяся замкнутой на собственной традиции, не могла развиваться далее по тому же сценарию и испытывала крайнюю необходимость обновления, источником которого представлялась литература Запада. В связи с этим проявляется новая тенденция, которую известный литературовед-арабист Кирпиченко В.Н. описывает следующим образом: «Первая половина XX века стала для арабской, в первую очередь египетской, литературы периодом освоения эстетических достижений западноевропейской, русской и американской прозы и поэзии, взаимодействия и смены литературных направлений – сентиментализма, романтизма, реализма. Все более вовлекаясь в мировую литературную традицию, арабская литература в 60-е гг. пережила сильное увлечение сюрреализмом, экзистенциалистской проблематикой, а затем, уже синхронно с другими литературами Запада и Востока, оказалась затронутой и

постмодернистскими веяниями» [Кирпиченко, 1999].

Тем не менее, несмотря на эту тенденцию, наиболее значимой проблемой современной арабской литературы был поиск национальных художественных ценностей, обретение оригинальной специфики: «Своеобразие африканских произведений было заметно и в определенной идеологической тенденциозности, и в субъективной нацеленности на сугубо локальный контекст, и в обращении к местным традициям, и в стремлении утвердить именно африканскую "почву" как эстетически значимый и полноценный объект художественного творчества» [Прожогина, 1999].

Первые попытки создания специфически арабского романа, предпринятые в конце XIX века ("Алам ад-Дин" Али Мубарака, "Рассказ Иса ибн Хишама" Мухаммеда ал-Мувейлихи), характеризовались той особенностью, что писатели обращались к поэтике и стилистике средневековой литературы. В то время как "Новая волна" XX века задала установку на непрерывное обновление художественных структур. Теперь авторы стремятся выразить собственное видение мира, опираясь на личный жизненный опыт и на внимательное изучение традиций мировой литературы разных времен и народов [Кирпиченко, 1999]. В том многообразии романских форм, созданных арабскими авторами в русле «Новой волны», можно найти и общую тенденцию, а именно изображение образа действительности в стилистике какого-либо прочно устоявшегося текста. Так современная автору действительность может быть изображена в стилистике средневековой плутовской новеллы, как это делает Хайри Шалаби в своём романе "Ловкачи" ("Аш-Шуттар"), или в рамках экзистенциального или постмодернистского дискурса.

Тем не менее, стремление к обретению и созданию национальной арабской специфики романа во многом продиктовано поиском национальной идентичности: «Тенденции "арабизации" арабского романа являются в значительной мере следствием и выражением национальной рефлексии, стремления арабских художников к самоидентификации, их нежелания "раствориться" в западной культуре» [Кирпиченко, 1999]. И наибольшим

потенциалом в этом вопросе обладает жанр исторического романа, который несмотря на свою принадлежность к западной, культуре был переосмыслен арабскими романистами.

1.2 Исторический роман в арабской литературе

В арабской литературе исторический роман появляется несколько позже, чем в западной традиции, но развивается жанр на основе традиционной западной специфики: «На рубеже XIX-XX вв. очень интенсивно развивается жанр исторического романа, заставляющий вспомнить Вальтера Скотта и Александра Дюма благодаря тесному переплетению в сюжете реальных исторических фактов с судьбами вымышленных героев [Долинина 1973: 19].

В сирийской школе литературы первым к жанру исторического романа обратился Селим аль-Бустани: «Основоположником сирийской школы был известный просветитель Селим аль-Бустани, переводчик, публицист, автор первых нравоучительных рассказов и романов на современные темы, а также первых исторических романов. За ним следует плеяда писателей, известных прежде всего своими историческими романами: Джамиль аль-Мудаувар, Джирджи Зейдан, Фарах Антун, Йакуб Сарруф [Долинина 1973: 19].

В арабской литературе исторический роман прежде всего окрашен просветительским пафосом: писатели обращаются к историческим сюжетам, демонстрирующим былую мощь арабов, а также к национальным мотивам, которые призваны оживить страницы истории, напомнить читателю о прошлом народа и в то же время поднять патриотический дух. «В 70-е годы Селим аль-Бустани печатает в журнале "Аль-Джинан" свои исторические и социальные романы, несколько рассказов, много переводов. У него сейчас же появляются последователи: Хусейн Хусни - автор исторического романа из эпохи Харуна ар-Рашида, Нахла Салих - автор "Истории Фуада и его возлюбленной Рифат" и др. Говоря о прозаической литературе этих десятилетий, следует отметить, что традиции Селима аль-Бустани продолжают развиваться. Однако в 80-х годах исторический роман несколько уступает роману нравов, и это вполне объяснимо временным политическим затишьем» [Долинина 1973: 33-34].

Проникновение исторического романа осуществляется также и через

переводы творчества западных писателей. «Наблюдается интерес к европейскому историческому роману, что связано с развитием этого жанра в арабской оригинальной литературе и с общей установкой просветительской литературы на сочетание познавательного, поучительного и развлекательного. Большой популярностью начиная с 80-х годов пользовались, в частности, произведения Александра Дюма-отца ("Три мушкетера", "Граф Монте-Кристо", "Две Дианы", "Госпожа Монсоро", "Ожерелье королевы" и др.; многие названия переводов не поддаются дешифровке). Переводился и Вальтер Скотт; в его творчестве наибольшее внимание арабских переводчиков привлекал "Талисман" благодаря своему восточному сюжету: известны его сценическая обработка ("Салах ад-Дин Айюбид" Наджиба Хаддада), сокращенный перевод Йакуба Сарруфа, издававшийся дважды (1887 и 1889 г.), и, наконец, полный перевод 1908 г. Появился на арабском языке и русский исторический роман "Князь Серебряный" А.К.Толстого (1909) под характерным названием "Ужасы деспотизма» [Долинина 1973: 29].

Большой вклад в развитие жанра исторического романа внёс Джирджи Зейдан. «В 90-е годы на литературную и журналистскую арену выходит Джирджи Зейдан со своими знаменитым, существующим до сих пор «Аль-Хилалем» и появлявшимися ежегодно историческими романами, которые пользовались колоссальным успехом благодаря патриотическому духу, занимательности и умению сделать актуальной любую историческую тему» [Долинина 1973: 35].

Начало XX века в арабских странах ознаменовалось подъёмом национального духа, что благотворно повлияло на развитие жанра. «В литературе господствуют патриотические настроения, способствующие пышному расцвету жанра исторического романа. По стопам Джирджи Зейдана, по-прежнему деятельного, идут теперь многие писатели - в первую очередь Йакуб Сарруф со своими романами "Египтянка" (1905), "Ливанский эмир" (1907) и "Девушка из Файюма" (1908), Фаиз Халиль Хаммам, Насим аль-Азар, Мухаммед ибн Малуф, Фаридат Атийя и др. Многие из этих

романов были посвящены недавним событиям младотурецкой революции, но по характеру изложения больше напоминали именно исторические романы» [Долинина 1973: 35].

Стоит отметить, что романы основоположников жанра в арабской литературе реализовали просветительскую функцию, поэтому в большей степени концентрировали внимание на прошлом, сохраняя едва уловимую связь с современностью. «Просветительская среда, с которой аль-Бустани был всю жизнь связан, её интересы и задачи определили его подход к исторической теме как к теме поучительной и полезной для просвещения читателя. По его убеждению, произведения на историческую тему должны сообщать достоверные сведения о славной истории арабов, поднимая в народе патриотический дух, и заключать в себе нравственные назидания» [Долинина 1973: 48].

Исторический роман, наделённый связью с современностью, формируется в арабской литературе позже. Интересным примером такого романа является «Аз-Зейни Баракят» Гамалья аль-Гитани. Обращаясь к такому периоду истории как мамлюкский султанат, Аль-Гитани изображает современное ему общество и критикует его, используя метод палимпсеста.

Произведения в жанре исторического романа пишутся арабскими авторами и по сей день. В том числе эту тенденцию развивает и продолжает Амин Маалуф, опираясь на опыт как западной, так и арабской традиции жанра.

1.3 Специфика изображения Востока в творчестве Амина Маалуфа

В своём творчестве Амин Маалуф насыщает исторический роман особенной восточной спецификой. Помимо содержательного аспекта его произведений, которые обращены к истории Востока и красочно изображают действительность в мельчайших деталях, Маалуф также использует традиционные для арабской литературы мотивы и сюжеты.

Так, например, первое произведение Амина Маалуфа «Крестовые походы глазами арабов» подражает стилистике арабских средневековых хроник. Этот стилистический приём вторит основному содержательному послыу произведения, который состоит в стремлении сместить акцент с распространённой западной точкой зрения на вопрос Крестовых походов, и позволяет это осуществить не только на уровне сюжета, но в композиционном плане.

Особую роль в творчестве Маалуфа играет мотив путешествия. Роман «Лев Африканский» представляет собой художественное переосмысление знаменитого произведения жанра литературы путешествий «Об описании Африки и о примечательных вещах, которые там имеются» («Африка — третья часть света»). Также неким подражанием литературе путешествий является другой роман Амина Маалуфа «Странствие Бальдасара», в котором главный герой описывает своё путешествие по территориям Османской империи, которое затем приводит его в Лондон и Геную.

В романе «Les Désorientés» («Запутавшиеся») используется приём, получивший широкое распространение в арабской литературе XX века (к примеру, «Аз-Зейни Бакакят» Гамалы ал-Гитани и "Затун" Суналлы Ибрагима): основное повествование романа постоянно перемежается некими стилизованными документальными вставками, которые также являются результатом художественного вымысла писателя.

Таким образом, можно сделать вывод, что, обращаясь к жанру исторического романа, Амин Маалуф продолжает восточную литературную традицию, следуя канонам арабского исторического романа, насыщая его не

только восточной спецификой в содержательном плане, но и подражая повествовательным стратегиям, получившим широкое распространение в арабской литературе как традиционной, так и современной.

Глава II. Амин Маалуф и тематика его произведений

1. Судьба и творческий путь Амина Маалуфа

Поскольку Амин Маалуф является современным ныне живущим автором, на момент написания данной работы не существует обстоятельно изложенной биографии писателя. По этой причине биография Маалуфа составлена нами из разрозненных фрагментов, найденных в различных интервью, данных писателем. По большей части данный раздел составлен на материале интервью, озаглавленном «Autobiographie à deux voix» («Автобиография в два голоса»), которое состоялось в 2001 г. и опубликовано на официальном сайте писателя.

Амин Маалуф родился 25 февраля 1949 г. в Бейруте, столице Ливана. В детстве и юности Маалуф проводил большую часть года на побережье в Бейруте и только два-три летних месяца — в деревне в горах. Но сам он признаёт, что чувствует к деревне большую привязанность, чем к Бейруту и отмечает, что в его произведениях этот город почти отсутствует, тогда как деревня и горы являются важным мотивом его творчества.

Предки Амина Маалуфа со стороны отца — пресвитериане, говорящие по-английски, а со стороны матери — франкоязычные марониты из Стамбула. Бабушка писателя по отцовской линии была дочерью пресвитерианского проповедника. Несмотря на то, что странно обнаружить пресвитерианского проповедника в горной деревушке Ливана в XIX веке, еще более странным является тот факт, что его отцом был католический священник. Эта странность объясняется тем, что прапрадед Маалуфа по отцовской линии, католический священник, отправил своего сына в школу на юге Ливана, не подозревая, что там он встретит протестантских миссионеров, которые стремились обратить студентов в пресвитерианство. Косвенно писатель упоминает эти события в своём романе «Скала Таниоса». Протестантизм казался крайне подозрительным для местного католического населения Ливана, поэтому неудивительно, что главным условием, которое поставила

перед своим мужем мать писателя после свадьбы, стало обучение детей в католической школе.

Что касается предков Маалуфа по материнской линии, их судьба является не менее запутанной и драматичной. Дед писателя тоже родился в ливанской деревне, но будучи подростком, переехал в Египет, где провёл всю свою жизнь и встретил будущую жену, которая родилась в Стамбуле и говорила по-арабски с сильным турецким акцентом. Её отец был судьёй в Турции, но вся семья была вынуждена бежать в Египет, бросив дом и всё своё имущество, во время резни 1915 года. Этот брошенный дом в Стамбуле стал первым в череде утраченных родных мест писателя. Несмотря на то, что сам Маалуф никогда не был там, он воспринимает этот дом как первое родное место, которое его семья, а значит и он сам в какой-то мере, была вынуждена оставить из-за разгоревшихся там межэтнических конфликтов. Вторым таким местом стал Египет. Хотя Амин Маалуф родился в Бейруте, его семья вернулась в Каир, когда будущему писателю было только 28 дней. Но его воспоминания о жизни в Египте нельзя назвать счастливыми. В декабре 1951 года умер дед по материнской линии, а три недели спустя, в январе 1952 года, в Каире вспыхнул пожар, связанный с разрушительными беспорядками, подъёмом националистических идей и поражающим своим масштабом приступом ксенофобии коренного населения Египта. Имущество семьи матери писателя было конфисковано, и Египет им пришлось покинуть навсегда. Эти и последующие события в судьбе Маалуфа послужили источником для основного мотива его творчества, а именно вынужденной миграции, бегства героя из родных мест.

Неотъемлемым приоритетом для семьи писателя всегда обладало образование. Дед Маалуфа по отцовской линии основал школу в Ливане, а после его смерти руководство школой взяла на себя бабушка писателя. Родители Маалуфа получили прекрасное образование по западному образцу и являлись представителями местной ливанской интеллигенции. Будущий писатель родился в доме очень известного журналиста (а также признанного поэта и талантливого художника), в котором постоянно устраивались

большие обеды с участием премьер-министра того времени, различных ливанских и иностранных гостей, обсуждались последние новости политики и культуры. Особой атмосферой обладал также район, в котором проживала семья писателя, а именно Рас-Бейрут, самый космополитичный район города, в котором традиционно жили иностранцы.

Амин Маалуф рано начинает писать. У него никогда не возникало сомнения в том, что его жизнь будет связана с писательством, поскольку это было семейной традицией. Причём писать Маалуф начинает на арабском языке. В его семье, в отличие от других «офранцузенных» ливанцев, всегда говорили по-арабски. Французский для Маалуфа был только языком школы, на улице или дома он разговаривал по-арабски, поэтому и первые свои попытки писать он делает на этом языке. Арабский был языком публичной жизни писателя, он говорит и пишет на нём. В свою очередь французский становится «теневым» языком для него, языком приватного. Именно на французском Маалуф пишет интимные письма и личные заметки.

С детства Маалуф много читает. Романы Вальтера Скотта, Диккенса, Марка Твена, пьесы Шекспира – все это будущий писатель читает в переводе на арабский. Уже позже, в подростковом возрасте французский становится основным языком чтения для него, языком, с помощью которого он открывает мир, идеи, книги. Но оба эти языка играют крайне важную роль в жизни писателя, и то, что он пишет свои книги на французском языке, является не осмысленным отказом от арабского, а скорее результатом случайного стечения обстоятельств, из-за которых Маалуф вынужден был переехать во Францию. «Если бы я остался в Бейруте, писал бы я свои книги на арабском языке? Это вполне возможно. Если бы в Ливане не началась война, если бы я не был вынужден покинуть страну, многое в моей жизни сложилось бы иначе. Я мог бы попытаться представить себе, как писатель, какой была бы эта другая жизнь. Может быть, я посвятил бы себя политике, литературе или журналистике? Или мой бунт против установленного порядка привел бы меня к эмиграции в любом случае? Я действительно не знаю» [Autobiographie à deux voix 2001].

После окончания школы Маалуф начинает изучать социологию и экономику в университете Святого Иосифа в Бейруте. Там в 1970 г. он знакомится с Андре, педагогом специального образования (для людей с различными отклонениями), а через год женится на ней. После женитьбы перед молодой семьёй остро встаёт вопрос поиска работы, поскольку их финансовое положение тогда представлялось достаточно плачевным: газета, основанная отцом писателя, перестала выходить, а Андре только что потеряла отца. Вскоре Маалуф в возрасте 22 лет занял пост главного редактора в ежедневном издании Ан-Нахар, первом ежедневном издании на арабском языке в Ливане, а его жена нашла работу в учреждении для глухонемых детей. Спустя некоторое время на свет появляется первый ребенок писателя. Ещё двое родятся уже во время войны.

В 1975 г. в Ливане начинается гражданская война. События, которые традиционно считаются отправной точкой столкновений, разворачивались непосредственно под окнами дома писателя. Утром 13 апреля 1975 г. началась перестрелка, результатом которой стали 26 трупов. Маалуф и его жена были вынуждены провести следующую ночь в подвале своего дома, чтобы избежать обстрела и бомбардировки. На следующий день писатель переехал в дом родителей, где оставался до тех пор, пока их собственный район также не стал непригодным для жилья. Затем он остановился на некоторое время в гостинице недалеко от газеты, чтобы иметь возможность продолжать работу. А впоследствии вернулся в деревню в дом деда, чтобы в первый раз в своей жизни провести там зиму. Там он остался на несколько месяцев, пребывая в раздумьях, что делать дальше. Из-за ненависти к войне и всем тем, кто её ведёт, Маалуф осознаёт, что не может больше оставаться в родном Ливане, и принимает решение оставить его, как оказалось — навсегда. 16 июня 1976 г. писатель отправляется во Францию. Поскольку Андре была беременна в тот момент, она остаётся в Ливане ещё на несколько месяцев, а в сентябре вместе с матерью и тремя детьми присоединяется к мужу. К тому времени он уже находит квартиру и работу в издании "Jeune Afrique". Маалуф начинает свою жизнь с нуля в чужой стране.

Весной 1981 г. Амин Маалуф подписывает свой первый контракт на издательство книги с рабочим названием "Крестовые походы глазами арабов". После долгой работы и изучения различных источников об этом периоде истории книга была закончена и опубликована под тем же заглавием в апреле 1983 г. Эта работа была попыткой Маалуфа доказать самому себе, что он может взяться за серьёзный проект и довести его до конца. Справившись с этой задачей, писатель принимается за новую работу, теперь уже над художественным романом о Гранаде XVI века под названием «Лев Африканский». В процессе написания этой книги Маалуф оставляет свой пост в "Jeune Afrique", чтобы полностью посвятить себя написанию романа, при этом рискуя остаться совсем без средств к существованию. Но, к счастью, этот роман, опубликованный в 1986 г., имеет огромный успех, и Маалуф принимает окончательное решение связать свою жизнь с литературой.

Затем Маалуф увлекается историческим наследием Ирана и обращается в своих произведениях к истории данного региона. В результате появляются романы «Самарканд» о жизни персидского поэта Омара Хайяма и «Сады света» о пророке и основателе религии Мани. Интерес к истории Ирана появляется у Маалуфа не случайно. В феврале 1979 г. он присутствует в Иране в качестве репортёра при провозглашении исламской республики. Именно тогда он начинает размышлять о прошлом страны, в которой так неожиданно и резко происходит революция в последней четверти XX века.

Помимо всего прочего, эти романы отражают эволюцию мировоззрения писателя, его взгляд на окружающий мир и происходящие в нем события. Если роман «Лев Африканский» представляет собой историю изгнания и попытки преодолеть его, то «Самарканд» — это история поэта, который сознательно изолирует себя от внешнего мира и политических интриг, чтобы создать свой собственный мир. Эта идея развивается и в следующих романах Маалуфа «Сады света» и «Первый век после Беатрис», опубликованном в 1992 г. На первый взгляд эти два романа кажутся абсолютно разными: события первого происходят в III веке, а второго – в будущем. Но сходна

позиция главных героев, их отношение к миру, которое можно сформулировать как обеспокоенный взгляд человека на общество, осознание, что оно движется в неверном направлении и нуждается в фундаментальных изменениях.

В 1993 г. Амин Маалуф становится обладателем Гонкуровской премии, самой престижной литературной премии Франции, за роман «Скала Таниоса». Это событие стало не только личной победой для самого писателя, но и радостным событием для всего Ливана. В день, когда стали известны результаты конкурсного отбора, люди реагировали невероятным образом, автомобили сигналили на улицах в знак радости. Последние несколько лет Ливан ассоциировался в глазах мировой общественности только с войной и разрушениями, что не могло радовать ливанцев, которым хотелось бы, чтобы образ их страны был связан с богатой культурой, историей, изобретением алфавита. И мировое признание их талантливого соотечественника переломило негативное восприятие Ливана, стало праздником для всей страны.

После присуждения Гонкуровской премии наступает очень насыщенный период в жизни писателя. Он много путешествует, даёт интервью, выступает на телевидении и быстро устаёт от всего этого. Маалуф чувствует, что испытывает потребность в уединении, чтобы погрузиться с головой в работу над новым проектом. На несколько месяцев он удаляется на маленький остров в Атлантическом океане, где у писателя есть небольшой дом, и начинает работу над новым романом, на этот раз о Ливане.

Роман «Врата Леванта», опубликованный в 1996 г., является самым автобиографичным из всех исторических романов Маалуфа. Главный герой этого романа переживает множество эпизодов, сходных с эпизодами из судьбы автора: переезд из Ливана во Францию, разлука с беременной женой из-за войны. И именно в этом романе концентрируется основная идея всего творчества Маалуфа – призыв к поиску согласия между людьми, невзирая на этнические и религиозные принадлежности.

Следующие работы писателя посвящены особенно важной теме для

Маалуфа, теме идентификации личности. В 1998 г. выходит его книга «Les Identités meurtrières», где писатель излагает свои соображения по данному вопросу, а в 2000 г. выходит его следующий исторический роман «Странствие Бальдасара», в котором эти идеи находят художественное воплощение.

Также в 2000 г. Амин Маалуф пробует себя в роли либреттиста. Опера «Любовь издалека», написанная в сотрудничестве с финским композитором Кайей Саариахо, была впервые представлена публике на фестивале в Зальцбурге в августе 2000 г. и получила хорошие отзывы критиков и зрителей. Сотрудничество Маалуфа с Кайей Саариахо продолжается и приводит к созданию трех других опер («Адриана Матер» в 2006 г., «Страсти по Симоне Вейль» в 2006, «Эмили» в 2010 г.).

После 2000 г. Амин Маалуф концентрируется на написании работ публицистического характера. В 2004 г. выходит его книга «Origines», которая является одновременно хроникой семьи писателя и попыткой осмысления современной ливанской культуры и политики. А в 2009 г. публикуется «Le Dérèglement du monde: Quand nos civilisations s'épuisent», работа, в которой Маалуф размышляет над вопросом, каковы причины того беспорядка, в котором сейчас находится наш мир, выделяя три аспекта этого беспорядка: интеллектуальный, экономический и экологический.

Последней работой Амина Маалуфа, опубликованной на данный момент, является роман «Les désorientés» (2012). Спустя десять лет с публикации «Странствия Бальдасара» писатель вновь возвращается к художественной форме, но на этот раз создаёт не исторический роман. «Les désorientés» – это история об Адаме, профессоре истории, который покинул Ливан и 25 лет прожил в Париже, но однажды он вынужден вернуться в страну своего детства, чтобы попрощаться с умирающим другом. Главный герой встречает друзей детства и задумывается о правильности выбора, сделанного 25 лет назад. Не трудно догадаться, что этот роман автобиографичен и писатель выражает с помощью главного героя свои собственные мысли о судьбе Ливана и поколения людей, переживших гражданскую войну 1975 г.

На данный момент нет никаких сведений, над чем последние несколько лет работает Амин Маалуф в своём доме на маленьком острове в Атлантическом океане, но не приходится сомневаться, что он готовит для своих читателей новые книги о необходимости мира и взаимопонимания, о каком бы времени в них ни шла речь: прошлом, настоящем или будущем.

2.2 Отношение Амина Маалуфа к истории

На сегодняшний момент Амин Маалуф является главной фигурой среди авторов исторических романов на ориентальные темы. Он получил признание критиков и читателей благодаря своим работам в этом жанре, и из восьми его художественных произведений шесть обращены к событиям прошлого. Но что заставляет Маалуфа писать именно на исторические темы? Ответ на этот вопрос писатель неоднократно давал в своих интервью: «Иногда для передачи определённого смысла представляется важным, чтобы действие происходило в конкретное время. Но я никогда не задавался целью писать мои романы о прошлом. Меня интересует не сама история, но происхождение вещей, а если быть точным, причинность вещей. Чтобы понять ситуацию, недостаточно описать её так, как это представляется сегодня. Важно, и даже необходимо, понять эволюцию событий, после которых возникла эта ситуация. Если пренебречь исторической глубиной, ничто не может быть понято глубоко. Меня часто огорчает, как мы говорим сегодня о событиях, совмещая факты, которые сгруппированы ассоциативно, более или менее поверхностно, не стремясь установить причинно-следственную связь» [Autobiographie à deux voix 2001].

Амин Маалуф подчёркивает необходимость знания истории для понимания событий настоящего и поведения людей в современном мире. Причины большинства событий, происходящих в настоящем, кроются в прошлом, и для их всестороннего анализа нужно учитывать множество исторических предпосылок: «Во всяком случае, мне трудно понять поведение молодого француза с алжирскими корнями в пригороде Марселя, если не принимать во внимание историю сложных взаимоотношений между христианским Западом и арабо-мусульманским миром: крестовые походы, колонизации и деколонизации, войну в Алжире, кризис стран третьего мира, миграцию в средиземноморском регионе и сотни других критериев» [Autobiographie à deux voix 2001].

Но писатель также обращает внимание на проблему спекуляции

историческими фактами ради личной выгоды. Поскольку история не предполагает единственно возможный вариант толкования, многие политические деятели или духовные лидеры используют её в собственных интересах. «Существует множество вариантов и различных видений истории. Каждый народ, каждая социальная группа, каждый человек имеет свое видение истории, обобщенное или подробное, явное или подразумеваемое, и, как правило, с центром вокруг себя. Наша память о прошлом – это только то, что мы используем, чтобы понять мир вокруг нас. Каждый из нас находит то, что он ищет» [Autobiographie à deux voix 2001].

Как автор исторических романов, Амин Маалуф видит свою миссию в поиске положительных примеров истории. В своих произведениях он обращается не только к проблемам и недостаткам человечества, пронося их сквозь века, но и показывает исторические примеры мирного сосуществования людей разных наций и конфессий. В этом, как он считает, заключается цель и исторического романа, и его писательской работы: «Я работаю для того, чтобы уничтожить те предрассудки, которые представляются вредными, и создать или возродить то, что я называю «положительными мифами»: Испания трех религий или Иран, описанный поэтами. Моя цель – построить мосты между двумя берегами Средиземного моря. Но я против фальсификации истории, и я не питаю иллюзий по поводу прошлого: крестовые походы не предполагали культурного обмена, а последователи трех религий проклинали друг друга в своих молитвах тогда так же, как и сейчас. Тем не менее, всегда были мужчины и женщины, которые становились друзьями или возлюбленными, несмотря на барьеры, и мечтали об ином будущем вместе» [Autobiographie à deux voix 2001].

Амин Маалуф верит в то, что невозможно объективно оценить социально-политические изменения, если ты являешься их свидетелем или участником. Поэтому взгляд на историю со стороны, с высоты прошедших веков позволяет увидеть в исторических событиях истоки событий современных, найти положительные образцы взаимодействия различных культур и использовать их как пример для подражания. Но также эта позиция

позволяет относиться более спокойно к настоящему и даёт робкую надежду на лучшее будущее: «Я спрашиваю себя, исчезнут ли опасности, которых я боюсь, как по волшебству. Например, будут ли отношения между Севером и Югом, а также между Востоком и Западом постепенно становиться более гармоничными, менее неравными, менее безрадостными. Стоит ли опасаться нового оружия и новых эпидемий или воспоминания об этих опасениях заставят нас улыбаться через тридцать лет. Это возможно, и я надеюсь, что так и будет, даже если в глубине души не верю в это. В любом случае, вполне вероятно, что я никогда не узнаю, какие из моих впечатлений не представляют ценности, потому что история, без сомнения, никогда не прекращается. Мы покидаем залы, один за другим, но фильм не заканчивается, и никто не может знать, каким будет последнее слово истории» [Autobiographie à deux voix 2001].

2.3 Автобиография через возвращение к истокам в романе «Origines»

В своих исторических романах Амин Маалуф в большинстве случаев начинает рассказ о судьбе главного героя с событий, произошедших задолго до его рождения. Эта направленность на подробное изображение истории семьи героя является следствием убеждения автора в важной роли, которую играют предки и их взгляды и принадлежности в процессе формирования личности. Поэтому закономерным представляется появление в 2004 году произведения «Origines» или «Истоки», в котором Амин Маалуф рассказывает историю собственных предков.

В данной книге автор в деталях описывает события, которые отчасти легли в основу романа «Скала Таниоса». Маалуф рассказывает историю его деда по отцовской линии Бутроса. Жанр «Origines» с трудом поддаётся определению: с одной стороны, в повествование вплетаются документальные материалы, в основном письма и дневниковые записи, с другой стороны, недостающие пробелы автор заполнил самостоятельно, что делает «Origines» семейной сагой, балансирующей на грани между реконструкцией и романом.

Тем не менее, «Origines» в большей степени является автобиографией, позволяя Маалуфу через призму истории его предков лучше узнать себя самого. «Origines» начинается с «фальстарта», а именно смерти отца Амина Маалуфа в августе 1980 года, ровно через 56 лет после того как умер Бутрос. Дальнейшее повествование представляет собой путешествие в поисках правды о семье Маалуфа. Он возвращается к истории своего деда Бутроса, его брата Джибраила и других членов семьи и пытается реконструировать её с помощью разговоров со свидетелями, изучения семейных фотографий, чтения и анализа писем, которыми обменивались Бутрос и Джибраил.

Два брата предстают перед читателем абсолютно разными: Бутрос – поэт, ценитель слова, культуры, знаний и образования, создатель открытых публичных школ в Ливане, а Джибраил, проживший большую часть жизни за пределами родной страны, в Америке и на Кубе, вечно стремится к

обогащению, иногда любыми средствами.

Основной идеей данного романа является особое отношение писателя к семейной истории. Он отвергает образ генеалогического древа, поскольку данный образ предполагает некую статичность и конкретную точку отсчёта. Маалуф отмечает, что дерево не может существовать без своих корней, в то время как человек может. Также дерево вынуждено расти там, куда попало семя, а человек всегда волен двигаться в любую сторону. Поэтому Маалуф предлагает новый взгляд на семейную историю, заменяя образ дерева образом дороги со множеством поворотов и перекрёстков, и утверждает, что продвижение по этой воображаемой дороге назад к истокам помогает человеку лучше понять его возможный дальнейший путь вперёд.

Глава III. Образы Востока в романах Амина Маалуфа

3.1 Роман «Лев Африканский»

В романе «Лев Африканский» Амин Маалуф описывает упадок Гранады в XVI веке. Главный герой романа, Хасан, с самых первых строк говорит о своей жизни как о полном неожиданных поворотов, но интересном приключении: «Я, Хасан, сын Мохаммеда-весовщика, я, Иоанн-Лев Медичи, обрезанный рукой гранадского брадобрея и крещенный дланью Папы Римского, прозываюсь ныне Африканцем. Но не из Африки, не из Европы и не из Аравии я родом. Зовут меня и Гранадцем, и Фессцем, и Заййати, но я не выходец из какой-либо страны, какого-либо города либо племени. Я — сын дороги, отечество мое — караван, а жизнь — самое необыкновенное из странствий».

Главный герой Хасан рождается в эпоху ослабления андалузских халифов, непрерывной борьбы и конкуренции, коррупции, от чего халифы пытаются отвлечь внимание пышными празднествами и парадами. Но в ходе борьбы с христианами все города, завоёванные мусульманами, сдаются один за другим. Причиной этих поражений является раздробленность общества, при которой военные желают сражений, а торговцы и земледельцы мира, но и те, и другие выступают против султана. Это конец мирного сосуществования христиан, мусульман и евреев на земле Испании, длившегося несколько веков. Мусульман и евреев вскоре вынуждают выбирать между принятием новой веры или изгнанием.

Хасан и его семья находят убежище в Фесе. Там Хасан проводит беззаботное детство в компании своего друга Харуна, взрослеет и вскоре становится одним из самых богатых купцов Феса. Но позже удача отворачивается от него. Из-за неприятной истории, связанной с его сестрой Марьям, Хасану грозит двухлетнее изгнание, которое не пугает его, поскольку он обладает огромным состоянием и жаждой путешествий, на что указывает его мать: «Многие стремятся к наживе и для того открывают для

себя бескрайний мир. Ты же, сынок, будешь стремиться открывать для себя мир и через это обрешь сокровище».

Хасан триумфально покидает Фес, но из-за ужасной метели теряет все своё состояние и чудом остаётся жив. И только благодаря своей рабыне Хибе, которая предлагает старейшинам своего племени выкупить её свободу, выпутывается из этой безвыходной ситуации. Получив значительную сумму денег за Хибу, Хасан направляется в Египет, где удача также не оставляет его: «Всем нутром я ощущал: этот город мой, и мне здесь удивительно хорошо. В несколько месяцев я сделался уважаемым человеком. У меня был свой погонщик ослов, свой поставщик фруктов, свой парфюмер, золотых дел мастер, поставщик бумаги; дела пошли в гору, связи во дворце налаживались, в моем распоряжении был особняк на берегу Нила. Я думал, что достиг оазиса с источником свежей воды».

К тому же в Египте Хасан встречает Нур, черкешенку, вдову эмира Саладина, чей сын Баязид, таким образом, был наследником султана. Именно с ней он бежит от гнева турков, которые разыскивают Баязида, и через несколько месяцев скитаний они оставляют Александрию, чтобы вернуться в Фес. Возвращаясь, Хасан узнаёт, что его отец мёртв, а друг детства Харун возглавляет сопротивление мусульман христианским завоевателям. Очевидной для мусульман становится необходимость просить помощи у турков в борьбе с христианами, и Хасан с Харуном отправляются в Константинополь на встречу с султаном Селимом. Но вскоре становится понятно, что Селим не намерен помогать мусульманам на Западе, поскольку это противостояние предполагает дипломатические интриги. Султан Селим желает захватить Египет.

Нур убеждает Хасана вернуться в Египет, чтобы попытаться предотвратить надвигающуюся резню, но он может только беспомощно наблюдать падение династии мамлюков. Несмотря на ожесточенную борьбу, Каир пал в августе 1517 года. За этим событием последовала жестокая резня и разграбление города. Нур и Хасан садятся на первый корабль с единственной надеждой: причалить к берегам земли, которая ещё сохранила

гостеприимство в этом жестоком мире. Но судьба вновь делает резкий поворот, и Хасана похищают сицилийские пираты с целью продать его в рабство. Так начинается новая глава в истории Хасана.

«Моим похитителем оказался человек известный и богобоязненный: Пьетро Бовадилья, почтенный сицилийский пират лет шестидесяти, душегуб, страшившийся отдать Богу свою душу в состоянии, неподобающем истинному христианину, словом, ощутивший потребность исправиться и свершить нечто богоугодное. Либо угодное его представителю на земле — Льву X, понтифику, предводителю всех христиан». Хасан со всеми возможными почестями был вручен Папе в праздник Святого Валентина. Лев X отнесся к Хасану как к своему подопечному: сам крестил его, одарив собственными именами – Иоанн и Лев, а также фамилией своего знатного рода — Медичи. Он учит турецкий, латынь, иврит, изучает Евангелие и катехизис, в то время как сам даёт уроки арабского языка, и начинает писать свою великую книгу, благодаря которой его имя останется в веках: «Описание Африки», где он описывает свой опыт путешествий. Эта книга четыре века будет оставаться ключом к пониманию черного континента на Западе. Позже он становится дипломатом на службе понтифика, погружается в мир интриг европейской дипломатии и борьбы с ересями и, в конце концов, возвращается на родину в Тунис, окидывая взором всю свою жизнь: «Разгром Рима после падения Каира, пожар Томбукту после гибели Гранады. Что это? Я ли притягиваю несчастья, несчастья ли притягивают меня?»

В конце своего путешествия Лев Африканский, который видел своими глазами падение нескольких империй, разграбление городов, восстания и интриги, мечтает лишь об одном: «прожить среди родных еще долгие годы».

В этом романе Амин Маалуф описывает события XVI века. Основные действия романа разворачиваются на фоне постоянных войн по политическим и религиозным причинам. Образ Востока, созданный автором в этом романе, представляется неутешительным. В первой части романа (Книга Гранады) показан конец золотого века ислама, ознаменовавшийся падением Гранады, символа расцвета культуры и толерантности. Эта

тенденция продолжается и в Книге Каира, где главный герой наблюдает падение династии мамлюков и укрепление Османской империи, сопровождающееся завоеванием Египта и Ирана. Но в Книге Рима, тем не менее, автор показывает кризис и христианского мира, вынужденного бороться с ересями, и разгром Рима, запутавшегося в собственных политических интригах.

Несмотря на атмосферу напряжённости между христианами и мусульманами, которая проявляется на протяжении всего романа, ни одна из сторон не показана в более выгодном положении. Персонажи, встречающиеся на пути главного героя, проявляют положительные качества вне зависимости от их вероисповедания. Но в каждой из частей книги Маалуф показывает гибель великих империй в результате политических интриг, что представляет собой основной мотив романа.

3.2 Романы «Самарканд» и «Сады света»

Романы «Самарканд» и «Сады света», несмотря на разные эпохи, описываемые в них, демонстрируют общие черты в образах Востока, созданных Амином Маалуфом. Герои этих романов – Омар Хайям (поэт, астроном и математик) и Мани (основатель новой религии), люди, которые не были поняты эпохой, в которой жили, и, несмотря на то, что их разделяют века, эти герои выражают сходную точку зрения.

Оба эти героя разочаровываются в своём времени и насилии, которое окружает их повсюду. Они предлагают свой путь, отвергающий политические интриги, и выступают против ложных представлений царей и религиозных общин. Мани говорит о людях своего времени: «Христиане не слышат всё то хорошее, что я говорю о Назаряине, они упрекают меня за то, что я не говорю плохо о евреях и Зороастре. Маги не хотят слышать меня, когда я хвалю их пророка, они хотят услышать, как я проклинаю Христа и Будду. Ибо, когда собирается стадо верующих, речь идет не о любви, а о ненависти. Только объединившись друг против друга, они в конечном итоге вместе». В свою очередь Омар Хайям говорит о правителях своего времени, обращаясь к своей возлюбленной: «династия одного тюркского султана сменяет династию другого султана, один визирь сменяет другого. Ради Бога, Джахан, как ты можешь провести лучшие годы своей жизни в этой клетке с дикими зверями? Позволь им убивать и умирать. Солнце не будет менее ярким, а вино менее сладким».

Примечательным является тот факт, что оба героя имеют возможность служить правителю, но, тем не менее, отказываются. Когда Низам ал-Мульк, визирь султана Мелик-шаха, предлагает Омару Хайяму пост начальника шпионов, он отвергает это предложение, отвечая: «Между тайнами и их разгадкой я выбираю тайну». В то время как Мани отговаривает очередного правителя принимать его веру в качестве официальной религии империи и разъясняет ему это решение следующим образом: «Причина не в тебе Ормуз, не в Шапуре и не во мне. Все дело в нашем времени. Оно окружает нас

последователями ревнивых богов. Империя не может принять мою веру, но мы можем добиться многого вместе, если каждый из нас будет играть свою роль: если ты будешь править справедливо, действовать на благо своих поданных и поддерживать свободу вероисповедания, а я со своими учениками нести свет другим народам».

Тема власти является основной в этих романах. В «Самарканде» Маалуф показывает три различных образа человека, наделённого властью. Мелик-шах показан писателем безответственным и ведомым правителем, неспособным править без помощи своего визиря или супруги. Низам ал-Мульк – мудрый политик, который, тем не менее, не гнушается прибегать к жестоким методам ведения борьбы и опутывает страну сетью шпионов. И Хасан ибн Сабах – глава секты ассасинов, создавший безупречную систему, которая позволяла долгое время с помощью террора держать в страхе весь исламский мир. Этим героям противопоставляется образ Омара Хайяма, который утверждает: «Те качества, которые требуются для управления государством, — не те, которые необходимы, чтобы прибрать власть к рукам. Чтобы вести дела должным образом, нужно забыть о себе, думать о других, прежде всего об обездоленных, а для того чтобы прийти к власти, нужно быть самым кровожадным из людей, думать лишь о себе, быть готовым расправиться с лучшими друзьями. А я не собираюсь ни с кем расправляться!».

История двух этих героев – это история отшельников, которые намеренно отстраняются от политических забот времени: Омар Хайям проводит долгие годы в обсерватории, изучая звёзды в одиночестве, а Мани настойчиво несёт свою веру примкнувшим к нему последователям. Такая позиция на первый взгляд может показаться проявлением слабости героев, неспособности изменить мир к лучшему, но на самом деле Амин Маалуф подчёркивает их важность для человечества. Хайям и Мани – это люди, чьё имя сохранилось в веках, благодаря их идеям и открытиям, а не кровопролитию, и в этом Маалуф видит их главную заслугу. Тем более, что сам писатель в своих книгах тоже ведёт борьбу с узостью мышления и

недопониманием между культурами вдали от суматохи мира, на маленьком острове в Атлантическом океане.

3.3 Роман «Скала Таниоса»

Действие романа «Скала Таниоса» происходит в XIX веке в Ливане. Этот период ознаменован противостоянием Египта и Великой порты, а также борьбой Англии и Франции за влияние в Ближневосточном регионе. На фоне этих событий Амин Маалуф показывает историю жизни одного человека – Таниоса. Этот персонаж и его отец Гериос имеют реальные исторические прототипы – это Абукишк Маалуф и его сын. Основную сюжетную линию романа составляет истинное событие прошлого: убийство патриарха Абукишком, его бегство с сыном на Кипр, а также казнь. Остальные события романа представляют собой художественный вымысел.

Трагическая история Таниоса начинается ещё до его рождения. Шейх Кфарийабды соблазняет мать Таниоса, жену своего управителя. В результате рождения этого ребёнка на селение и его обитателей обрушивается череда несчастий. Но сам Таниос не знает о тайне своего происхождения до тех пор, пока деревенский дурачок в порыве гнева не выдаёт её. С этого момента в душе Таниоса происходят непоправимые изменения, которые приводят к его конфликту со всем окружающим миром: «Как описать то, что он почувствовал в эти мгновения? Он обозлился на целый свет – на шейха и Гериоса, обоих своих «отцов», на Ламию, на всех поселян, знавших то, что о нем говорят, и, верно, смотревших на него с жалостью или насмешкой. И среди его товарищей, присутствовавших при этой сцене, ни один не заслуживал снисхождения в его глазах, даже те, что были явно удручены и растеряны, ведь их поведение служило порукой существования позорного секрета, который они хранили, деля со всеми прочими, пока деревенский дурачок в припадке ярости не выдал его, ибо никто другой на такое бы не решился».

С этого момента в душе героя поселяется ненависть и к отцу, который знал о своём позоре, но никак не противостоял этому, а продолжал подобострастно служить шейху, и ко всем феодалам сразу. На почве этой ненависти Таниос сближается с Рукозом, местным изгоем, который был

обвинён шейхом в краже денег, когда был его управителем, и изгнан из Кфарийабды. Но сам Рукоз говорит, что шейх пытался соблазнить его жену, чего он не мог терпеть. «Кто же говорил правду? Таниос всегда без малейшего колебания принимал за истину версию шейха, ни за что на свете он не пожелал бы дружелюбно приветить отверженного, он сам себя счел бы за это предателем! Однако теперь все предстало ему в ином свете. Разве это так уж немыслимо, что шейх пробовал совратить жену Рукоза? И разве он не мог придумать эту клеветническую историю, чтобы не дать селению встать на сторону непокорного управителя, а его самого вынудить к бегству?». Таниос восхищается Рукозом, его решимостью пойти на конфликт со всеми окружающими ради собственных убеждений, чего не мог себе позволить его осторожный отец. Но последующие события заставляют его более объективно посмотреть на Рукоза и понять, что этот человек провозглашает высокие идеалы не ради справедливости, а для удовлетворения собственного тщеславия.

Нового духовного наставника Таниос находит в лице английского пастора, основавшего школу в соседнем селении. Таниос с небывалым рвением принимается за учёбу, как за единственный способ вырваться из пут ненавистных ему феодальных порядков: «Тем не менее он и не думал отказываться от своего бунта. У него, напротив, было такое ощущение, будто пережитая им метаморфоза, вызванная словами дурачка и давшая о себе знать его визитом к Рукозуотверженному, освободила его существование от пут. Словно Провидение ожидало от него решительного поступка, чтобы открыть перед ним его дорогу... Он не просто в пасторскую школу пойдет, а вступит на порог просторного мира, на чьих языках он скоро заговорит, чьи тайны познает».

Но Таниос не сознает, что в любом случае остаётся пешкой в игре великих держав, стремящихся к влиянию в Ливане с помощью религии. Результатом противостояния англичан-протестантов в лице пастора и французов-католиков в лице патриарха становится голодовка, объявленная Таниосом, когда ему запрещают посещать пасторскую школу. В итоге герой

добивается желаемого, но при этом он ослеплен своим бунтом: «Негодование, стыд, печаль – все эти чувства, пробужденные в душе Таниоса сельским празднеством, тем не менее таили в себе известную отраду, он мог утешаться сознанием, что один против всех – прав, что его глаза остались широко открытыми, когда прочие позволили трусости и самодовольству ослепить себя». Но в следующий раз, когда он начинает свой бунт, последствия складываются более трагично.

Таниос влюбляется в Асму, дочь Рукоза, но в результате сложных интриг патриарх сватает ей своего племянника. Когда Гериос понимает, что его сын на этот раз точно покончит с собой, он принимает решение убить патриарха. И только совершив кровопролитие, Гериос вновь поднимается в глазах сына: «Отец! Годы минули с той поры, когда Таниос называл его так. Гериос с благодарностью глядел на свое дитя. Ему пришлось превратиться в убийцу, чтобы снова заслужить это слово. *Байе!* В это мгновение он ни о чем не жалел и ничего больше не желал. Он отвоевал свое место, свою честь. Преступление искупило его жизнь, теперь оставалось искупить преступление». Стоит отметить, что Гериос, совершая убийство, не только спасает жизнь сына, но и в том числе свою собственную: «Он почувствовал себя вовлеченным в дело спасения. Спасения не только собственного сына, но и своего достоинства мужа, отца, мужчины, столь долго подвергавшегося осмеянию».

Вместе отец и сын оставляют родные места и бегут на Кипр. Там Таниос впервые постигает спокойствие и счастье: «Неужели мне нужно было отправиться в изгнание, безнадежно застрять в этом чужом городе, в этой гостинице и, увязавшись за незнакомкой, забраться на верхний этаж... неужели волны житейского моря должны были забросить меня в такую даль, чтобы я получил право на эти минуты счастья? Минуты столь насыщенные, как будто они и были целью и смыслом всего, что со мной случилось. И завершением всей авантюры. И моим искуплением». Размышляя над этим, Таниос вспоминает события прошлого, осознаёт всю ничтожность прошлых его бед и раскаивается перед отцом, которого из-за своих «бунтов» он сделал

убийцей.

Но вскоре идиллия завершается новым несчастьем. Шпионы эмира обманом заманивают Гериоса обратно в Ливан, где его казнят. Таниос чудесным образом избегает той же участи по воле случая. Единственное его желание теперь – отомстить за отца, и вскоре судьба предоставляет ему такую возможность. Английский посол предлагает Таниосу озвучить эмиру приговор о его низложении и изгнании, и Таниос соглашается, несмотря на совет своего старого друга, английского пастора: «Тогда я отвел Таниоса в сторонку, как велел мне мой долг, и сказал ему: «Подумай хорошенько, тебе нечего делать в этой войне. Египтянам ли властвовать в Горном крае или туркам, французы ли переиграют англичан, проведя свою шашку в дамки, или наоборот, – тебе от этого не станет ни жарко ни холодно». Но он в ответ сказал только: “Мой отец убит!”».

Однако удивительная метаморфоза происходит с Таниосом. Глядя на эмира в момент вынесения приговора, он осознаёт, что те же чувства испытывал перед смертью отец, и жажда мести в нём утихает: «И тогда, – повествует „Хроника“, – услышав эти слова униженного старика, сын Кфарийабды отбросил прочь жажду мщения, как если бы она уже была утолена сторицей, и громко заявил: „Его высочество мог бы отправиться на Мальту!“». Осознание, что месть бесполезна, что она преумножает боль в и без того страшном мире, заставляет Таниоса не выносить смертный приговор Рукозу, когда жители Кфарийабды назначают его судьёй. Но свершается самосуд, устроенный вопреки решению Таниоса, что разжигает противостояние дружественных ранее деревень.

История Таниоса заканчивается загадочно: он исчезает, после того как забирается на скалу, которая потом стала носить его имя. Финал остаётся открытым: либо Таниос бросился в море, либо вновь отправился к тем берегам, где когда-то был счастлив. А выводом к этой истории становится запись в дневнике английского пастора: «На кого в этой истории ложится самая тяжкая ответственность? Само собой, на египетского пашу, что натравливал горцев друг на друга. Да и на нас, англичан и французов,

явившихся, чтобы здесь продолжать наполеоновские войны. И на власти Оттоманской империи с их беспечностью и приступами фанатизма. Но коль скоро я пришел сюда, полюбив Предгорье так, словно сам здесь родился, я вправе сказать: самая непоправимая вина лежит на жителях этого края, будь они хоть христиане, хоть друзья».

В этом романе Амин Маалуф выделяет проблему низкой гражданской ответственности, присущей арабо-мусульманскому миру, по причине которой, казалось бы далёкие обычному человеку политические интриги, непосредственным образом и часто трагически влияют на судьбы людей.

3.4 Роман «Врата Леванта»

Роман «Врата Леванта» описывает события XX века с его чередой непрекращающихся войн и конфликтов. Во «Вратах Леванта» писатель показывает тот непоправимый ущерб, который наносит война. Но в этой книге речь идёт не о смертях и разрушенных городах. В этой книге писатель показывает разрушенные судьбы, несостоявшееся счастье людей, которому помешала война.

Главный герой романа «Врата Леванта» – Оссиан Кетабдар, рассказывает историю своей жизни случайному знакомому, который неожиданно для себя самого узнал его: «До этого я никогда с ним не встречался и не знал, как его зовут. Но я видел это лицо в книге, много лет назад. Он вовсе не был знаменитостью. Хотя в каком-то смысле и был, ведь его фотография попала в мой учебник истории. Но это не было изображением великого человека, чья фамилия указывается внизу. На снимке была запечатлена толпа людей, собравшихся на набережной, а на заднем плане громадный пароход заслонял горизонт, оставив лишь крохотный квадратик неба. Подпись под фотографией гласила, что во время Второй мировой войны несколько уроженцев Старой Страны отправились сражаться в Европу, в рядах Сопротивления, и по возвращении их встретили как героев».

Оссиан начинает свой рассказ с событий, происходивших задолго до его рождения: «Моя жизнь началась, — сказал он, — за полвека до моего рождения, на берегу Босфора, в комнате, где я никогда не бывал. <...> В Стамбуле случились события — важные для современников, смехотворные для нас. Некий монарх был свергнут с престола, и его сменил на троне племянник. Отец рассказывал мне об этом десятки раз, называл имена, даты... Я забыл все или почти все. Впрочем, это не имеет значения».

Свергнутый монарх – предок главного героя. После политического переворота он загадочным образом умирает, а его дочь сходит с ума. Врач семьи берёт её на своё попечение, а чтобы прекратить неприятные слухи, они женятся. В результате этого союза на свет появляется отец главного героя.

Поскольку люди высшего света предпочитают не переступать порог дома этой семьи, вокруг отца Оссиана образуется общество таких же отверженных, но талантливых и прогрессивных людей: «Эти последние были людьми особого рода. Те, кто соглашались приходить каждый день в «зачумленный» дом, в большинстве своем сами являлись нарушителями тогдашних условностей. Турецкий язык преподавал лишенный сана имам, арабский — еврей из Алеппо, отринутый собственной семьей, французский — некий поляк, заброшенный Бог весть какими ветрами в этот анатолийский город и отзывавшийся на имя Васья, которое наверняка было уменьшительным от имени втрое длиннее». Но самым близким другом Кетабдара становится преподаватель естественных наук армянин Нубар, который был всего на шесть-семь лет старше своего ученика.

Спокойную жизнь этого общества нарушают волнения в Адане 1909 года. «Толпа разгромила армянский квартал. Прообраз того, что случится — в гораздо большем масштабе — шесть лет спустя. Но и тогда это было ужасно. Сотни и сотни убитых. Быть может, тысячи. Бесчисленное множество сожженных домов — среди них дом Нубара. Но ему удалось бежать вместе с женой». Нубар укрывается в доме своего друга и мечтает мигрировать в более спокойную страну. Кетабдар не хочет оставлять товарища и переезжает вместе с ним в Ливан, в то время как Нубар обещает ему руку своей дочери.

Проходит несколько мирных лет в Ливане, которые вновь прекращаются войной в 1914 году. «Тем летом началась война четырнадцатого года. Для переживших ее она навсегда останется Великой войной. Впрочем, у нас не было ни окопов, ни кровопролитных боев, ни газовых атак с применением иприта. Здесь будут страдать не столько от сражений, сколько от голода и эпидемий. А потом от эмиграции, которая опустошит деревни. Отныне на всей Горе появятся — и останутся надолго — бесчисленные дома, над которыми не будет виться дымок».

Дочь Нубара умирает в раннем возрасте во время родов, оставив после себя мужу троих детей, средним из которых является главный герой Оссиан. Отец возлагает на него большие надежды, считает, что сын станет

революционером, но Оссиан мечтает лишь об одном: поскорее уйти из родного дома и выучиться на врача. Именно поэтому главный герой отправляется во Францию и поступает на медицинский факультет. Но его надежду на спокойное будущее разрушает Вторая Мировая война.

По воле случая Оссиан становится членом движения Сопротивления и на несколько лет посвящает себя деятельности подполья. Но сам он относится к этим событиям своей жизни весьма спокойно и не видит в них ничего героического: «Я оказался в подполье, как тысячи других людей. Я не был самым молодым или самым старым, самым трусливым или самым отважным. Я не совершил ничего героического». Наоборот, Оссиан концентрирует внимание на тех людях, которые не сохранились в памяти потомков как герои, но при этом ежедневно подвергались риску быть пойманными и, более того, от них зависели жизни других. К числу таких «невидимых» героев Оссиан относит работников мастерской по изготовлению липовых бумаг: «Я всегда буду с волнением вспоминать мастерскую по изготовлению липовых бумаг. Это было нечто вроде безмолвного муравейника, который сыграл неоценимую роль в Сопротивлении. Ведь нам нужно было не только изготавливать фальшивые документы, но и создать целую параллельную вселенную — придумать ее и сделать достоверной для всемогущих врагов. Без дотошной придирчивости Жака и его подручных не удалось бы организовать ни одну акцию, да и само существование подпольной организации было бы немыслимым. Тем не менее имена этих людей остались безвестными».

Именно среди членов подполья Оссиан встречает девушку, с которой будет связана вся его дальнейшая жизнь — Клару. Несмотря на то, что она еврейка, а он мусульманин (хотя бы по документам), эти двое связывают воедино свои судьбы. Чтобы не ограничивать религиозные принадлежности друг друга, они специально вступают в гражданский, а не религиозный брак во Франции. А вскоре выясняется, что Клара ждёт ребёнка.

Но опять счастье героев длится не долго. «Вспомните, это было время, когда много толковали о разделе Палестины на два государства: одного для

евреев, другого — для арабов. 1947 год. Взаимные обиды были уже столь велики, что высказывать вслух примирительные взгляды стало невозможно. Повсюду столкновения, манифестации, покушения, призывы к войне. С каждым путешествием в Хайфу и обратно дорога становилась чуть более опасной. Мы с Кларой уже были жертвами, получившими краткую отсрочку. А затем уродливый мир несколькими ударами когтистой лапы разрушил наше убежище».

Во время очередного визита супругов в Хайфу к дяде Клары они попадают под обстрел. «Кроме этого страха, ничего худшего с нами в тот день не случилось. Я хочу сказать, что никто из нас не был ранен. Но подобный страх — это вовсе не пустяки. Что может быть более невыносимым, чем это чувство бессилия, которое испытываешь в туристической машине, на затянутой гарью и заваленной обломками дороге, когда разрывы и выстрелы раздаются, кажется, со всех сторон одновременно? Мы никогда не отличались боязливостью, однако это было слишком. На карту были поставлены наши две жизни, нет, даже три — и еще наше будущее, наша любовь, наше счастье. Разве не преступно считать такое малозначительной мелочью?».

Однажды, когда Клара уже была на седьмом месяце беременности, в Хайфу приходит неутешительное известие: отец Оссиана умирает. И тогда Оссиан, оставив Клару в Хайфе, отправляется в Бейрут один. Это решение навсегда изменит их жизнь, потому что начинается очередная война, которая создаёт непреодолимый барьер между ними. «Это было в сорок восьмом, в середине мая. События развивались стремительно: завершился срок британского мандата в Палестине, Совет еврейского народа, собравшийся в одном из музеев Тель-Авива, провозгласил рождение государства Израиль — и всего лишь через несколько часов арабские страны объявили войну».

От того, что Оссиан не может узнать никаких новостей о жене и ребёнке, он начинает медленно терять рассудок. После похорон отца его поражает солнечный удар, который окончательно влияет на здоровье главного героя. «Более месяца я провел в постели. Солнечный удар. Все симптомы

указывали на это. Сильный жар, головные боли, бред, рвота. Неспособность встать на ноги. Но виной тому было не только солнце. Меня сделала уязвимым лавина событий. Взрыв на дороге в Хайфу, который мне еще долго будет сниться; разумеется, смерть отца и вынужденная разлука с Кларой; и также то, что я неделю за неделей говорил себе, что она, возможно, уже родила, а мне не известно, что с ней, как чувствует себя ребенок и стал ли я отцом девочки или мальчика — неведение мое в последнем пункте может показаться смехотворным, но оно меня убивало, я ощущал его как глубочайшее унижение». Воспользовавшись этой ситуацией, младший брат главного героя обманом отправляет его в психиатрическую лечебницу, где, теряя остатки разума под действием наркотических препаратов, Оссиан проведёт больше двадцати лет.

Спасает героя от такой страшной участи только визит его дочери, которая в тайне от матери разыскивает Оссиана. Слова письма, которое она передаёт Оссиану, заставляют его вновь начать бороться за своё будущее: «Я та самая дочь, что родилась в твое отсутствие, та девочка, чью фотографию ты хранишь у сердца, но которая выросла вдали от тебя. Вдали? В действительности разделяют нас несколько километров дороги по великолепному побережью, где выросла проклятая граница — вместе с ненавистью и непониманием».

Оссиан проходит долгий путь восстановления рассудка: он тайно перестаёт принимать лекарства, делает упражнения на тренировку памяти. Поэтому когда в Ливане разгорается очередной военный конфликт и все санитары исчезают из больницы, бросив там своих пациентов, Оссиан наконец покидает место своего заточения и спустя десятки лет воссоединяется со своей женой.

В течение своей жизни Оссиан, который сумел примирить внутри себя различные принадлежности, становится свидетелем множества конфликтов между разными народами. Но в этих ситуациях всегда сохраняет неизменной собственную позицию. Во время оккупации Франции, будучи не французом, он вступает в Сопротивление скорее даже не из желания освободить

Францию, а для того, чтобы сражаться с немецким национализмом, который для него представляется преступлением в высшей степени. Вот как он сам выражает свою позицию: «Я сказал, что извечная вражда между немцами и французами мне безразлична или, во всяком случае, не способна вывести меня из равновесия. В моей семье по традиции всегда изучали одновременно и немецкий, и французский языки — с тех пор как наш прапрапрадед женился на баварской авантюристке. И мы питали равное уважение к обеим этим культурам. Кажется, я настолько увлекся, что добавил, будто сами по себе слова «оккупация» и «оккупант» не пробуждают во мне таких бунтарских помыслов, как у французов. Это было не совсем так: я просто хотел сказать, что родился в тех краях, где вся история состоит из последовательно сменявших друг друга оккупаций, и мои собственные предки на многие века оккупировали добрую половину Средиземноморья. Зато расовая ненависть и дискриминация вызывают у меня омерзение. Мой отец турок, моя мать была армянкой, и они протянули друг другу руки во время резни именно потому, что сумели отказаться от ненависти. И я это от них унаследовал. И в этом моя отчизна. Я возненавидел нацизм не в тот день, когда он оккупировал Францию, а когда он захватил Германию. Если бы он расцвел во Франции, или в России, или в моей собственной стране, я ненавидел бы его столь же сильно».

Признавая уничтожающую силу фашизма, Оссиан, тем не менее, не может до конца осознать его конечную цель по отношению к еврейскому народу, потому что, как человек, уважающий всякую культуру и её представителей, он не может допустить и мысли об истреблении целой нации во имя предрассудков: «Не нужно думать, будто мы в то время ничего не знали о лагерях. Наша газета «Свобода!» постоянно писала об облавах, об убийствах. Мы многое знали. Мне почти хочется сказать, что мы знали все. Все, кроме самого главного. Кроме одной, совершенно непостижимой вещи, к которой все было устремлено, — о чем мы не подозревали, потому что это казалось слишком чудовищным даже для нацистов. О намерении истребить всех евреев. Сама Клара, столько перевидавшая собственными глазами, этого

не утверждала. Она говорила о преследованиях, превосходивших по зверству те, что бывали в прежние времена, но об «окончательном решении» не упоминала. Чтобы представить подобное возможным, нужно было в самом себе иметь нечто чудовищное».

Но Оссиан становится свидетелем и другого противостояния, которое является абсолютно неожиданным для него и его жены Клары: «Она не допускала и мысли о том, что сразу же после разгрома нацизма два самых ненавистных Гитлеру народа могут подняться друг на друга, не гнушаясь убийствами, причем и евреи, и арабы были свято убеждены, что правда на их стороне и именно они стали единственной жертвой несправедливости. Евреи — потому что совсем недавно пережили худшее, что только может случиться с народом, оказавшись на грани полного уничтожения, и преисполнились решимости сделать все, чтобы подобное никогда не повторилось; арабы — потому что возмещение за причиненное зло осуществлялось в некотором роде за их счет, хотя они никоим образом не были причастны к злодейству, свершившемуся в Европе.» Арабо-израильский конфликт, который разразился вскоре после окончания Второй Мировой Войны, разлучил главного героя с его женой-еврейкой и их не родившейся дочерью. Это противостояние двух этносов, основанное на территориальных претензиях а также религиозных и культурных различиях, трагически изменило жизнь Оссиана.

Важной деталью является тот факт, что дочь главного героя, также как её отец, в процессе идентификации принимает все принадлежности и в итоге формирует устойчивую композитную идентичность: «Именно так, мусульманка и еврейка! Ведь я, ее отец, был мусульманином — хотя бы по документам, а ее мать еврейкой — хотя бы в теории. У нас религия передается по отцу, у евреев — по матери. Следовательно, Надя была мусульманкой в глазах мусульман и еврейкой в глазах евреев; в ее собственных глазах можно было выбирать между этими двумя религиями или отказаться от них — она предпочла взять обе одновременно... Да, обе одновременно, и еще многое другое. Она гордилась всеми своими предками

— как завоевателями, так и беглецами из Центральной Азии, Анатолии, Украины, Аравии, Бессарабии, Армении, Баварии... У нее не было никакого желания делать выбор между разными каплями своей крови, частичками своей души!»

Традиция терпимости людей друг к другу, уважения своих предков, вне зависимости от их религиозных или национальных принадлежностей, а также гармоничное осознание личности, как продукта влияния различных культур, берёт своё начало в роду Оссиана от далёких предков и передаётся в будущее, с помощью его дочери. Эта преемственность, связывающая прошлое и будущее, даёт возможность писателю задать себе вопрос, на который пока нет ответа, вложив его в уста главного героя своего романа:

«Эпоха, когда люди всех наций жили бок о бок в городах Леванта и наречия их смешивались между собой... принадлежит ли она целиком прошлому? Или же является предтечей будущего? Те, кто по-прежнему лелеют эту мечту... ретрограды они или провидцы? Я не сумел бы дать ответ.»

В романе «Врата Леванта» Амин Маалуф, начиная повествование с истории предков главного героя, создаёт красочную панораму войн XX века. На фоне этой панорамы читатель видит трагическую судьбу Оссиана, и тот ущерб, который ему наносит война. Этот ущерб не физический, а моральный, главный герой буквально сходит с ума. Таким образом, Амин Маалуф показывает невидимую сторону последствий войны и горит о несбывшихся надеждах, возложенных на XX век: «Ведь я тоже мечтал об этом — верил, что двадцатому веку суждено продолжить все самые благородные начинания девятнадцатого столетия. И если бы мне удалось сохранить до сегодняшнего дня мужество мечтать, я бы стал мечтать снова».

3.5 Роман «Странствие Бальдасара»

Роман «Странствие Бальдасара» описывает события, происходившие в XVII веке. Главный герой романа, Бальдасар Эмбриаччи, видит, что с приближением 1666 года, года Зверя, когда ожидается конец Света, мир постепенно сходит с ума и погружается во тьму. Многие люди, желая спастись, начинают искать окутанное тайнами сочинение под названием «Сотое имя», которое, согласно легендам, может уберечь своего обладателя от разрушения мира. По воле случая в руках у Бальдасара оказывается экземпляр этой книги, но он теряет её также быстро, как обретает. Бальдасар вынужден отправиться в путешествие, чтобы вновь разыскать эту книгу.

Сперва Бальдасар отправляется в Константинополь. И уже в самом начале путешествия главный герой начинает жалеть, что отправился в путь: «Я чувствую себя ослабевшим, измученным, оглушенным, у меня все время слезятся глаза и болят все члены. Наверное, это морская болезнь — от тряской езды... Каждый шаг приносит мне страдания, и эта поездка тяготит меня. Я жалею о том, что отправился в путь».

После того как найти книгу в Константинополе не удаётся, главный герой направляется в Смирну, где в большей степени, чем где-либо чувствуется приближение Конца света: «некий человек в этом городе — еврей по имени то ли Саббатай, то ли Шабтай, а может, и Шабетай — провозгласил себя мессией и объявил о конце света в 1666 году, указав точную его дату, вроде бы июнь. Самое странное то, что большинство обитателей Смирны — даже среди христиан или турок, даже среди тех, кто насмехается над этим человеком, — кажется, убеждены, что его предсказание сбудется».

Разочаровавшемуся в поисках книги в Смирне Бальдасару предстоит принять решение: продолжить путешествие или вернуться в родные места: «Со вторника мы больше не говорили ни о нашем возвращении в Джибле, ни о том, куда поедет дальше, но сегодня вечером Бумех снова вытащил «эту тему на ковер». Чтобы сказать, что, если уж мы предприняли это долгое

путешествие, чтобы отыскать «Сотое Имя», было бы неразумно вернуться в Джибле, ничего не добившись, и провести остаток этого года бедствий, томясь и дрожа от страха».

Продолжив своё странствие, Бальдасар оказывается в Генуе, родине его предков. И здесь тоже ощущается ожидание конца: «Слухи смешиваются с достоверными вестями, шумные толки о войне — с гремящей молвой о надвигающемся Апокалипсисе. Генуя проводит в суете и делах день и ложится спать без радости, словно во время чумы. А весна ждет у городских ворот, пока окончится время поста. Цветы еще редки, ночи истекают влажной испариной, гложет придушенный смех. Что это, моя собственная тревога, чье отражение я наблюдаю в зеркале мира? Или тревога мира, которая отражается в зрачках моих глаз?»

Несмотря на то, что соблазн остаться в Генуе велик, Бальдасар вынужден продолжить свой путь, но он не знает куда: «На Восток или в Лондон? У меня — все те же сомнения. Разыскать сначала книгу? Или забыть о ней и лучше постараться спасти Марту — но как? Или забыть все безумства и вернуться в Джибле к моим близким? Я колеблюсь — более чем когда-либо». Тем более, что Бальдасара также посещает новая мысль: можно оставить погоню за книгой и не возвращаться в Джибле, а найти новое место для житья. «Словом, я легко могу понять тех, кто однажды покидает свою родину и своих близких и даже меняет имя, чтобы начать новую жизнь в бескрайней стране. Будь это в Америке или в Московии. Разве не то же самое сделали когда-то мои предки? Мои предки, но также и предки многих других людей и все остальные народы. Все города и все деревни были созданы и населены людьми, пришедшими отовсюду. И если бы у меня было еще свободное сердце и легкие ноги, быть может, я отвернулся бы от моего родного моря и отправился в Немецкую Слободу, которая привлекает меня уже одним своим названием».

Но волей случая Бальдасар оказывается в Лондоне, и сразу же находит книгу, которую так долго искал: «Лондон — я приехал сюда, хотя никогда и не мечтал об этом. Был ли я поражен? Да, был. И потрясен, разумеется. Все

это так похоже на чудо! Это — мой первый день в Лондоне, мои ноги еще не привыкли ступать по твердой земле, а книга, та, за которой я гонялся целый год, уже в моих руках»!

Но, к ужасу Бальдасара, здесь тоже чувствуется приближение Апокалипсиса. А в один из дней Лондон поражает страшный пожар: «Посреди ночи Лондон запылал. И сейчас говорят, что городские кварталы вспыхивают один за другим. Из своего окна я вижу багровый отсвет пожара, вижу улицы, по которым бегут охваченные ужасом люди, слышу их отчаянные крики, а надо всем этим кошмаром — черное небо, лишённое звезд. Глядя на погибающий в огне город, мне следовало бы писать так, как когда-то пел Нерон, но из моего горла вырываются лишь невнятные звуки».

На протяжении всего своего путешествия Бальдасар мечтает только об одном — скорее вернуться домой в Джибле, но очередные злоключения мешают главному герою, и он вновь направляется в Геную. «Я всегда думал, что последние дни этого «года Зверя» я проведу в Джибле, рядом с близкими мне людьми: мы соберемся все вместе в одном доме, мы сможем обнять друг друга и утешиться звуками родного голоса, и пусть случится то, что должно случиться. Я был так уверен, что вернусь туда, что почти не писал об этом, задавая себе только один вопрос: когда и какой дорогой? Может, мне надо было вернуться туда еще в апреле, вместо того чтобы гнаться за «Сотым Именем» в Лондон? Должен ли я заезжать на обратном пути на Хиос? Или в Смирну? <...> И все же вот я уже на пути в Геную. Я буду там к Рождеству, и там я встречу конец этого года — 1666».

Возвращаясь в Геную, Бальдасар осознаёт, что это его настоящий дом, и желает остаться там навсегда, если Конец света все-таки не настанет; впрочем, в Генуе не наблюдается особого волнения: «Должно быть, сегодня утром множество людей по всему миру думают, что это их последний день последнего года. Здесь, на улицах Генуи, я не заметил никакого страха или какой-нибудь особенной горячки. Но Генуя всегда молилась лишь о своем процветании и о благополучном возвращении кораблей, она никогда не имела Веры больше, чем ей это было нужно, — да будет она благословенна»!

Наконец, 1666 год завершается, а Апокалипсис не наступает. И Бальдасар делает вывод, что катаклизмы и всяческие несчастья являются не признаком Апокалипсиса, а обычными чертами нашего мира: «Мы снова будем жить, как жили: день за днем, на той же земле, с нашими людскими слабостями и заботами. С чумой и безумствами, с войной и кораблекрушениями, с нашей любовью и нашими разочарованиями. Не будет божественной катастрофы, и никакой потоп не пошлют нам Небеса, чтобы поглотить наши страхи и наши предательства».

«Странствие Бальдасара» – это панорама мира в ожидании Апокалипсиса с приходом нового века, которая охватывает несколько континентов. Примечательно, что этот роман увидел свет в 2000 году, отмеченном опасениями человечества подобного рода.

Главный герой Бальдасар Эмбриаччи – человек, живущий на границе двух культур: с одной стороны, он является потомком древнего и славного генуэзского рода, а с другой, он родился на востоке, в местечке Джибле и никогда не был в Генуе. Но тем не менее, Бальдасар с почтением и трепетом относится к своему происхождению: «Я приезжаю сюда, вероятно, в двадцатый раз, но никогда еще не пересекал я ворота этого города без того, чтобы сердце мое не сжалось от волнения. Именно здесь мои предки впервые ступили на землю Леванта полтысячелетия назад. <...> В благодарность за оказанную поддержку ему [одному из предков] была пожалована синьория Джибле. Добрых два столетия эта синьория оставалась уделом моих предков».

Более того, помимо гордости за заслуги своего рода, главный герой так же испытывает чувство необходимости помнить все страницы его истории, в которых Бальдасар видит свою поддержку и опору: «Эмбриаччи ничего не забывают и никогда ни от чего не отказываются: опыт войны и торговли, славные дни и дни несчастий, все они наслаиваются друг на друга в череду их жизней, как кольца могучего дуба, листья которого опадают осенью, а ветви иногда ломаются, но от этого дуб не перестает быть дубом».

Тем не менее, Бальдасар осознаёт проблему собственного положения.

Несмотря на свою неоспоримую принадлежность к двум культурам одновременно, для обеих он является чужаком, так же как и его предки, попавшие в такое же положение: «Когда <...> нам [членам рода Бальдасара] пришлось оставить мусульманам наши владения в Джибле, последние оставшиеся члены семьи решили вернуться в Геную. «Вернуться» — не совсем подходящее слово, ибо все они были рождены на Леванте, и большинство из них никогда не ступало по улицам города, откуда начался их род. <...> Мой пращур посчитал, что он потерял прежний статус. Более того, он ощущал себя изгнанником. Он хотел быть генуэзцем, он и был им — по языку, одеянию, обычаям; но — генуэзцем с Востока!».

Это положение людей, имеющих две родины, одну из которых они никогда не видели, заставляет «генуэзцев с Востока» ещё больше беречь связь с утраченной культурой и ещё больше любить её: «Никто не чувствует себя частью Генуи, никто не принадлежит ей так, как генуэзцы с Востока. Никто не умеет любить её так, как они». Такое сильное желание не потерять связь со своими корнями, не ассимилироваться окончательно с культурой страны, ставшей для них новым домом, исходит из проблемы двойственной идентичности. Для жителей Джибле потомки генуэзцев навсегда останутся чужими, в первую очередь из-за их веры, поэтому они изо всех сил стараются не утратить сохранить свою первую родину.

При этом в действительности важна не Генуя сама по себе, а то влияние, которое она оказала на жизнь каждого из рода Бальдасара, несмотря на тот факт, что он никогда там не бывал. Важными являются генуэзские традиции, которые повлияли на их идентичность, которые стали важной её частью: «Отец всегда говорил мне, что наша родина — не та, сегодняшняя, Генуя, но «вечная Генуя». И тотчас добавлял, что во имя этой «вечной Генуи» я должен лелеять образ Генуи нынешней, какой бы она ни была, и должен даже любить её еще нежнее в годину бедствий, как свою слабую старую мать. Он заклинал меня не сердиться на наш родной город, если в то время, как я попаду туда, он не узнает меня. Я был тогда еще очень юн и на самом деле не понимал, что он хочет мне сказать».

Но хотя Бальдасар и мечтает о воссоединении с Генуей, оказавшись в городе своих далёких предков, он начинает сомневаться в необходимости оставить Джибле навсегда: «С тех пор как я побывал в Генуе, мне иногда случалось думать, что возвратиться я должен именно туда. Ведь в каком-то смысле я когда-то уехал оттуда. Если не я сам, то по крайней мере моя семья. Несмотря на разочарование и подавленность, испытанные когда-то моим предком Бартоломео, когда он захотел вновь обосноваться в этом городе, мне кажется, что только там Эмбриаччи могут чувствовать себя дома. В Джибле же я всегда буду чужаком... Однако моя сестра живет на Леванте, там похоронены мои родители, там — мой дом, там — моя торговля, обеспечивающая мне относительное процветание». Несмотря на всю свою любовь к Генуе, Бальдасар в то же время осознаёт: «У меня уже есть две родины, Генуя и Джибле».

3.6 Роман «Les Désorientés»

Этот роман описывает историю Адама, который вынужден был на 25 лет покинуть свою страну и бежать в Париж из-за гражданской войны на своей родине. Неожиданно для главного героя он получает сообщение от жены друга детства Мурада, который находится при смерти и просит Адама увидеться с ним перед смертью, несмотря на ссору между ними. Прилетев на свою утраченную родину, Адам сразу узнаёт, что Мурад умер не дождавшись встречи с ним. Тем не менее, главный герой остаётся там на 16 дней, открывая для себя заново родную покинутую страну.

В течение романа страна, в которой происходят события, не называется, но постепенно по разрозненным деталям читатель узнаёт образ современного Ливана. Таким образом, на основе места действия и истории главного героя можно сделать вывод, что роман во многом является автобиографичным и представляет собой пример художественной рефлексии опыта вынужденного бегства из-за ужасов войны самого Амина Маалуфа. В заглавии романа прослеживается игра слов: с одной стороны, «Les Désorientés», то есть «Дезориентированные» или «Запутавшиеся» – это отражение состояния главного героя и его друзей детства, с другой стороны, Dés-orientés, то есть потерявшие Восток (Orient).

Главный герой Адам встречается с друзьями детства, вместе с которыми они основали «клуб Византийцев» в 70-х годах. Некоторые из них остались на родине, некоторые эмигрировали, так же как и Адам. Несмотря на серьёзные различия в судьбе героев, их объединяют общие воспоминания и ностальгия по прошлому утраченному миру. Истории членов «клуба Византийцев» составляют печальный образ минувшей в прошлое «ливанской цивилизации».

Амин Маалуф впервые в своём творчестве пытается осмыслить последствия событий, произошедших в Ливане. Члены «клуба Византийцев» по-разному повели себя во время войны. Некоторые предпочли покинуть страну и не участвовать в военном конфликте, обвиняя тех из них, кто

поступился юношескими идеалами и смог извлечь выгоду, как, например, Мурад, ставший в итоге министром. Оставшиеся на родине в свою очередь обвиняют в трусости и предательстве Адама, который предпочитает «удалиться из Ливана, чтобы сохранить руки чистыми». Этот конфликт пронизывает все действие романа и поднимает вопрос: как было правильно поступить в подобной ситуации, вопрос, открытый до сих пор и для самого писателя.

Адам пытается оправдать своё бегство с позиции космополитизма. Он утверждает, что «рождение означает появление на свет, а не в той или иной стране, том или ином доме». Он ставит под сомнение принадлежность к какой-либо стране и постулирует истинность принадлежности миру, что отражает точку зрения самого писателя, как это видно из его эссе. Адам вынужден признать, что страны, которую он покинул уже нет: «Я не уходил, страна, вот что исчезло».

Ностальгия по утраченной родине объединяет членов «клуба Византийцев», чьи мечты и идеалы были разрушены войной. Это разочаровавшееся поколение верило в исключительность «ливанской цивилизации», которая определяется Амином Маалуфом как «искусство совместно жить с другими сообществами» и которая была разрушена войной. Главный герой тяжело переживает крах юношеских идеалов и возвращение к «убивающим идентичностям», стереотипам: «Мы провозгласили себя последователями Вольтера, Камю, Сартра, Ницше и сюрреалистов, но после войны снова стали христианами, мусульманами и евреями».

В данном романе также рассматриваются такие политические вопросы, как арабо-израильский конфликт и исламский радикализм. Для Адама арабо-израильский конфликт – это та, трагедия, которая ознаменовала вступление человечества в фазу деградации морали, сведя к нулю достижения прогресса: «Именно этот конфликт, больше чем какие-либо другие, препятствует арабскому миру в улучшении, мешает примирению Запада и ислама, тянет человечество назад к кризису идентичностей и религиозному фанатизму, к тому, что называют сегодня столкновение цивилизаций». Он объясняет этот

разрыв между Западом и арабами проблемой разного восприятия. Арабо-израильский конфликт является источником тяжелой национальной травмы для всего арабского мира, в то время как эта травма абсолютно не признаётся западным миром и вызывает подозрение. Этот разрыв начал увеличиваться после Второй мировой войны, когда «Запад открыл для себя ужас лагерей, ужас антисемитизма, в то время как в глазах арабов, евреи выглядят не как безоружные гражданские лица, униженные и истощённые, но как оккупационная армия, хорошо оснащённая и организованная. И в течение следующих десятилетий, разница в восприятии только возросла».

Главный герой также пытается осмыслить проблему радикального исламизма. Он развивает идею, что если коммунизм и антикоммунизм были основными проблемами XX века, исламизм и антиисламизм являются основными проблемами начала XXI века.

В этом романе Амин Маалуф поднимает множество вопросов философских, политических и гуманистических. В частности, автор оценивает жизнеспособность «ливанской модели» сосуществования разных сообществ и, таким образом, обращается к актуальной проблеме не только Ливана, но и всего Ближнего Востока.

Глава IV. Основные проблемы в творчестве Амина Маалуфа

4.1 Позиция Амина Маалуфа относительно идентичности

Важной темой в творчестве Амина Маалуфа является проблема идентификации личности в условиях столкновения культур, этносов и религий. Результатом осмысления писателем проблемы идентичности и конфликтов, которые с ней связаны, стала его работа под названием «*Les Identités meurtrières*», что можно перевести как «убивающие идентичности» (идентичности, наносящие вред). В этой работе автор подробно излагает свою позицию по данному вопросу, приводя множество примеров, а также опираясь на свой личный опыт: «Сколько раз с тех пор как я покинул Ливан в 1976 году, чтобы жить во Франции, люди спрашивали меня с самыми лучшими намерениями, кем я чувствую себя больше – французом или ливанцем. И всегда я отвечал одно и то же: “И тем, и другим”. Я говорил это не из чувства справедливости, а потому что любой другой ответ был бы ложью. Что делает меня самим собой больше, чем кем-либо другим, так это тот самый факт, что я балансировал между двумя странами, двумя или тремя языками и несколькими культурными традициями. Это действительно то, что определило мою идентичность» [Maalouf 2003: 1].

Проблему собственной идентификации Маалуф решает просто: поскольку культура Востока, где он родился и провёл детство, и Запада, где он прожил долгое время, повлияли на него в равной степени и одинаково сильно, он не может сказать про себя, что он принадлежит только к одной культурной традиции. Он считает, что его идентичность включает в себя обе эти принадлежности: «Значит ли это, что я наполовину француз, а на половину ливанец? Конечно, нет. Идентичность не может быть разделена. Ты не можешь поделить её на половинки, трети, или любые другие части. Я не обладаю несколькими идентичностями сразу, у меня есть только одна, смешанная из множества компонентов, которая представляет мою уникальность, также как идентичность других людей представляет их

индивидуальность» [Maalouf 2003: 2].

Стремление свести идентичность человека к одной основной, глубинной принадлежности Амин Маалуф считает абсолютно неправильным и невозможным в современном мире. Даже в простых на первый взгляд случаях такой корень идентичности вывести нельзя. К примеру, человек, родившийся в Алжире от родителей-алжирцев и не покидавший никогда свою страну, тем не менее, сочетает в себе арабское, берберское, африканское и мусульманское влияние в равной степени. Исходя из идеи плюрализма идентичности, Маалуф предлагает особый взгляд на этот феномен, отличный от существовавших ранее: «Моя идентичность – это то, что мешает мне быть идентичным кому-либо другому. Подобное определение понятия «идентичность» точно отражает его сущность, поэтому теоретически не должно вызывать сомнения. Нужны ли последующие доказательства, чтобы доказывать, что нет и не может быть двух идентичных индивидов? Даже если в ближайшем будущем кто-то сможет клонировать человека, клоны будут в лучшем случае идентичны только в момент их «рождения», когда же они начнут жить, они станут отличными от оригинала» [Maalouf 2003: 10]. Таким образом, Маалуф видит в идентичности не совокупность отдельных компонентов, а целостное и неделимое отображение сущности индивида. Современная научная тенденция такова, что идентичность принято делить на отдельные составляющие (этническая идентичность, религиозная, лингвистическая и т.д.), но все эти принадлежности сосуществуют в индивиде в неделимом единстве. Среди них наблюдается определённая иерархия, которая составляется по принципу важности для человека различных принадлежностей, но эта иерархия меняется со временем в зависимости от внешних условий и социально-политической обстановки. Некоторые типы принадлежностей могут совсем отсутствовать или не представлять ценности для индивида. Также не исключена возможность сознательной или принудительной смены отдельных принадлежностей (например, при смене вероисповедания или с изменением политического статуса государств), но это не означает, что влияние, оказанное в процессе

идентификации на личность, исчезает вместе с формальным определением. Культурный фон, оставленный принадлежностью, продолжает существовать в идентичности человека и вместе с другими принадлежностями составляет его личность.

Эти факты подтверждают, что идентичность не даётся человеку раз и навсегда. Она создаётся со временем и изменяется в течение всей человеческой жизни. Принадлежности индивида определяются, прежде всего, влиянием других людей, как тех, кто старается сделать человека одним из них, так и тех, кто исключает индивида из своего сообщества. В любом случае, человек не рождается с осознанием того, кем он является, он обретает идентичность, шаг за шагом продвигаясь по избранному им самим жизненному пути [Maalouf 2003: 25].

Особенно важно на этом пути, в попытке подчеркнуть групповые различия, а значит и собственную индивидуальность, не прийти к мышлению стереотипами. Амин Маалуф утверждает, что несмотря на то, что христианин явно отличается от мусульманина, не существует двух таких мусульман, которые были бы идентичными. Идентичность каждого человека уникальна, хотя он и принадлежит к различным социальным группам, которым присущи определённые особенности. «Выбирая путь наименьшего сопротивления, мы объединяем абсолютно разных людей под одним заголовком. Выбирая путь наименьшего сопротивления, мы приписываем им коллективные убийства, поступки и мнения. <...> Мы беспечно высказываем поспешные суждения о целых народах. <...> И иногда это заканчивается кровопролитием. Я понимаю, что нереалистично ожидать, что все наши современники внезапно изменят свой образ мышления. Но я думаю, что важно для каждого из нас осознать, что слова имеют последствия: они могут помочь увековечиться предрассудкам, которые, как показала история, смертельно опасны» [Maalouf 2003: 21–22].

Эти предрассудки вызвали немало конфликтов. История демонстрирует массу примеров противостояния разных народов и религиозных групп, проживающих на одной территории: между арабами и евреями,

франкоязычными и англоязычными канадцами, католиками и протестантами, сербами и албанцами и т.д. Все эти конфликты были вызваны фанатичным пониманием идентичности, которая признаёт только собственную принадлежность и способна увидеть в других народах, социальных группах и конфессиях только своих врагов. Для пресечения таких конфликтов, основанных на предрассудках и стереотипах, необходимо новое понимание идентичности. «В эпоху глобализации и постоянного ускорения темпов смешения различных элементов, в которые мы все вовлечены, новая концепция идентичности необходима, и необходима как можно скорее. Мы не можем удовлетвориться принуждением миллиардов запутавшихся людей выбирать между чрезмерным утверждением их идентичности и её полной потерей, между фундаментализмом и разрушением. Это является логическим следствием преобладающего отношения к данному вопросу. Если наши современники не стремятся принять свои множественные членства и принадлежности, если они не могут примирить потребность идентификации с открытой и непредвзятой толерантностью к другим культурам, если они чувствуют необходимость выбора между отрицанием собственного Я и отрицанием других, тогда мы превратимся в легионы потерянных людей и кровожадных убийц» [Maalouf 2003: 35].

Новый тип идентичности, по мнению Амина Маалуфа, прежде всего должен отвечать следующей основной идее: каждый человек должен идентифицировать себя не только со страной, в которой он живёт, но и со всем современным миром и его всеобщим наследием, не замыкаясь на искусственном отделении себя от других, а принимая, в первую очередь, свою принадлежность ко всему человечеству и исторически накопленному духовному опыту человека. Но при этом «Каждый из нас должен принять свою непохожесть на других, понять свою идентичность как сумму всех разнообразных принадлежностей, вместо того, чтобы возводить только одну из них в статус наиболее важной. <...> люди должны быть способными принять двойственную принадлежность без серьёзных мучений. Это означает сохранение преданности их культуре происхождения без необходимости

скрывать её, как будто это позорная болезнь, и в то же время принятие культуры другой страны [Maalouf 2003: 159–160]. В то же время каждая культура должна принимать все принадлежности, повлиявшие на её становление, не делая их фиктивно равными, а признавая легитимность их влияния вне зависимости от размера его вклада в общую культуру.

Главные герои всех исторических романов Амина Маалуфа сталкиваются с проблемой самоопределения и столкновениями, поводами для которых являются социальные принадлежности их участников. Этот мотив проходит через все творчество писателя и часто играет главную роль в построении конфликта произведения. Обращаясь к этой проблеме от произведения к произведению и помещая её в разные исторические эпохи от III до XX в., Маалуф подчёркивает важность и вневременность данной проблемы для всего человечества и считает борьбу с ней делом своей жизни: «Во всем, что я пишу, я чувствую, будто я веду борьбу, мою вечную борьбу. Против дискриминации, против мракобесия, против стесняющих идентичностей, против предполагаемой войны цивилизаций, против зла в современном мире, а также против опасности генной инженерии. Я терпеливо пытаюсь наладить мосты и атакую мифы и стереотипы, которые разжигают ненависть. Это дело всей моей жизни, которое продолжается от книги к книге и будет продолжаться до тех пор, пока я могу писать» [Autobiographie à deux voix 2001].

4.2 Новый взгляд на историю Крестовых походов

«Крестовые походы глазами арабов» является первым опубликованным произведением Амина Маалуфа. Уже в этой работе, не художественного, а публицистического характера, намечаются основные тенденции последующего творчества писателя: глубокое погружение в описываемую историческую эпоху, поиск в исторических примерах причин проблем современности и смещение акцентов с Запада на Восток.

В данном произведении Маалуф, обращаясь к проблеме объективной истории, производит последовательную деконструкцию героического образа эпохи Крестовых походов. Заглавие книги автоматически ставит ее в оппозицию к другим историческим работам, посвященным тем же событиям, которые обычно носят название «История Крестовых походов» и претендуют на создание полной объективной картины. Маалуф сразу постулирует ограничение ракурса, с которого рассматриваются Крестовые походы, тем самым бросая вызов унификации истории.

Особенно интересной представляется повествовательная стратегия автора, которая вписывается в традицию мусульманской историографии. Повествование ведется в настоящем времени (историческом настоящем времени), часто автор намекает на последующие события, поддерживая таким образом интерес читателя. Иногда, если какое-либо событие имеет несколько версий, Маалуф излагает все точки зрения, добавляя «что в действительности случилось тогда, вероятно, навсегда останется загадкой».

В «Крестовых походах глазами арабов» Маалуф наглядно показывает, что цивилизации не являются монолитными и неизменными, напоминая читателю, что мусульманская культура была терпимой к другим задолго до того как Западный мир стал таковым. Это произведение Маалуфа иллюстрирует, что цивилизации контактировали задолго до наступления эры глобализации, подчеркивая огромный культурный вклад арабов, который часто игнорируются, в западную цивилизацию. Он рассеивает упрощенное представление о Крестовых походах как битве между христианским миром и

исламом.

Также в эпилоге Маалуф обращает внимание на параллели, которые обычно прокладываются в арабском мире между событиями XX века и Крестовыми походами: «В канун третьего тысячелетия ответственные политики и религиозные деятели арабского мира постоянно вспоминают о Саладине, о падении Иерусалима и о его возвращении. И в народном восприятии, и в речах некоторых официальных лиц Израиль уподобляется новому государству крестоносцев. <...> Президента Насера во времена его славы постоянно сравнивали с Саладином, который, как и он, объединил Сирию и Египет – и даже Йемен! Что же касается Суэцкой экспансии 1956 года, она воспринималась как аналогичная походу 1191 года, как крестовый поход, осуществлявшийся французами и англичанами». Поэтому скрытая цель Маалуфа состоит не только в том, чтобы напомнить читателю то, что произошло с точки зрения арабов, но также и почему важно помнить это далекое прошлое сейчас. В том числе цель Маалуфа состоит в том, чтобы подчеркнуть, что нужно учиться у прошлого, потому что история имеет склонность повторяться.

В эпилоге Маалуф даёт краткое резюме, согласно которому арабы представляются жертвами, поскольку Крестовые походы являются отправной точкой для подъема Западной Европы, в то время как арабская цивилизация, самая продвинутая в то время, начинает свою медленную деградацию. История Крестовых походов служит аллегорией настоящего времени, когда арабские лидеры все еще не могут объединиться против «нового вторжения». Маалуф замечает: «арабский Восток всегда видел в Западе своего врага». Тем не менее, данная позиция игнорирует огромный массив политических событий, которые служили причиной различиями между Востоком и Западом: колонизацию Магриба, период французских мандатов в Ливане и Сирии в начале XX века. Действительно, геополитическая обстановка, которая даётся автором в эпилоге, отмечена несмываемыми следами колониального прошлого. Именно эту непрерывность противостояния можно было бы указать как вероятную причину того, что Крестовые походы

ощущаются даже сегодня, как акт насилия, подчеркнув, что причины этого чувства можно отнести к конфликтам XX века, а не только к далекой истории. В том числе одним из побочных эффектов столкновения Запада и Востока, Маалуф выделяет две крайние тенденции, которые периодически сменяют друг друга в истории Востока: насильственное приобщение к западным ценностям и крайний фундаментализм с оттенком ксенофобии.

Несмотря на крайне широкие обобщения заключительной части, которые легко подвергаются критике, нельзя не признать, что Амин Маалуф в «Крестовых походах глазами арабов» в полной мере добивается поставленной цели, которой является отказ от европоцентристской точки зрения на историю и перемещение акцентов с Запада на Восток в осмыслении истории столкновений между ними.

4.3 Мировой кризис и истощение цивилизаций

В своём философском эссе «Le Dérèglement du monde: Quand nos civilisations s'épuisent», заглавие которого можно перевести как «Мировой беспорядок: когда наши цивилизации исчерпали себя», Амин Маалуф пытается осмыслить причины и возможность преодоления того мирового беспорядка, к которому человечество пришло с началом XXI века. Автор последовательно выделяет сферы проявления этого кризиса, такие как этическая, политическая, экономическая, экологическая, и рассматривает их с двух точек зрения (восточной и западной).

Маалуф отвергает идею «столкновения цивилизаций», указывая скорее на истощение и исчерпанность двух цивилизаций, которая проявляется в кризисе морали с обеих сторон. Запад и Ислам предают свои моральные идеалы: Запад дискредитирует себя, изменяя своим просвещенным принципам, когда пытается насильно вводить демократию, а Ислам дискредитирует собственные ценности радикализмом. Эти симметричные проблемы указывают на необходимость переосмысления дальнейшего пути, на который вступило человечество в новом столетии.

Основную причину отмеченных изменений Маалуф видит в следующем: в XX веке глобальное общество вынуждено было существовать в идеологической оппозиции капитализм-коммунизм. После периода борьбы за независимость многие государства арабо-мусульманского мира посчитали путь развития коммунистических государств разумным и перспективным, в то время как на самом деле он оказался катастрофическим. Элиты арабо-мусульманского мира не смогли добиться развития, национального освобождения, демократии и социального равенства, вместо этого так называемые «прогрессивные» арабские режимы могли только подражать худшим порокам советской модели: её склонности к ксенофобии, жестокости полицейского режима, заведомо неэффективному экономическому планированию.

Таким образом, в течение десятилетий арабо-мусульманский мир всё глубже и глубже погружался в историческую яму, из которой он не способен был выбраться, чувствуя при этом ярость против всего мира и прежде всего против себя. Несколько десятилетий подряд светские, потенциально прогрессивные элементы арабо-мусульманского мира боролись против Запада, и, таким образом, все глубже заходили в тупик. В то время как Запад вынужден был отбиваться, часто с разрушительной эффективностью, а иногда и при поддержке исламских религиозных движений. В итоге Запад, победив своего главного глобального противника, оказался вовлечённым в масштабный проект распространения своего влияния на всю планету, который истощает его и сбивает с верного курса [Maalouf, 2009]. Все восточные народы в течение последних нескольких столетий должны были оценивать себя в сравнении с Западом. Ни один из этих народов не мог рассказать свою историю, без множества ссылок на столкновение с Западом, которое иногда длилось веками.

После прекращения основного противостояния XX века между капиталистическими странами Запада и странами, избравшими коммунистический путь развития, которое имело идеологический характер, вместо идеологии на первый план вышел вопрос идентичности. Амин Маалуф оценивает это изменение следующим образом: «Этот переход от идеологии к идентичности имеет разрушительные последствия для всего земного шара, но в большей степени для арабо-мусульманского мира, где религиозный радикализм, долгое время озабоченный проблемой гонимого меньшинства, достиг массового интеллектуального преобладания в большинстве обществ, также как и в диаспоре. В процессе подъёма эта тенденция стала принимать радикально антизападную позицию» [Maalouf, 2009].

Тем не менее, Маалуф не стремится обвинять в наблюдаемом кризисе ни одну из сторон. Основная суть его идеи состоит в том, что и Запад, и арабский мир достигли предела того, что они могли достичь как отдельные цивилизации, и наступил момент, когда необходимо превзойти их.

Человечество должно найти способ построить общую цивилизацию, с которой каждый может идентифицировать себя посредством универсальных ценностей, руководствуясь верой в общечеловеческий путь развития, и которая будет обогащена всеми формами культурного разнообразия. Иначе человечество ожидает деградация и неизбежное движение в сторону варварства.

Первым шагом на пути преодоления кризиса, по мнению Маалуфа, является осознание того, что, несмотря на своё разнообразие, человечество едино: «Непростительной ошибкой является компромисс по вопросу фундаментальных принципов из-за того, что якобы другие не готовы принять их. Не существует одного набора прав человека в Европе, а другого для Африки, Азии и мусульманского мира. Ни один народ на земле не заслуживает рабства, тирании, произвола, невежества, мракобесия и дискриминации женщин. Каждый раз, когда эта фундаментальная истина забывается, мы предаем человечество и самих себя» [Maalouf, 2009].

Амин Маалуф отмечает особый характер современного кризиса, который состоит в таком резком ускорении научного прогресса, что прогресс в морально-этической сфере не может его догнать. Действительно, если обратиться к истории, то также можно увидеть кроважанных правителей, жадных деспотов, опустошительные нашествия, погромы, массовые убийства и чудовищные попытки уничтожения. Но только сейчас новые виды оружия придают этим тенденциям угрожающие масштабы. Маалуф подчёркивает, что технический прогресс не может и не должен быть замедлен, но моральная эволюция должна быть значительно ускорена. Ей срочно необходимо подняться до уровня технологической эволюции.

Тем не менее, Амин Маалуф, который всегда видел главную проблему арабо-мусульманского мира в его низкой гражданской ответственности и сознательности, отмечает положительные тенденции, которые он видит в событиях 2011 года. Он находит положительным тот факт, что в сознании людей многое изменилось, и все арабские общества продемонстрировали глубокое желание жить достойно и решительно бороться за достижение

этого: «В этот бурный период часто говорили, что арабы положили конец мифу, что они менее жаждут свободы, чем другие народы, и менее склонны жить в представительных демократиях. Этот миф эффективно разрушился, но то, что произошло, имеет более серьёзные последствия. Арабы не просто присоединились к группе демократических народов, они пошли намного дальше. Ни в одном из недавних исторических событий, нигде в мире мы не видели такого героизма. Это исключительное, беспрецедентное явление и, возможно, предвестник демократического обновления во всем мире» [Maalouf, 2009].

Амин Маалуф не отвечает, смогут ли арабы восстановить уважение остального мира к себе и их цивилизации, но надеется на это, также как и на то, что Западный мир сумеет преодолеть своё стремление к глобальной экспансии ради осуществления своих демократических идеалов.

Заключение

В результате исследования образов Востока в творчестве Амина Маалуфа на материале исторических романов Амина Маалуфа и его публицистических произведений можно сделать следующие выводы:

- Обращаясь к жанру исторического романа, Амин Маалуф продолжает восточную литературную традицию, следуя канонам арабского исторического романа;
- Маалуф насыщает исторический роман восточной спецификой не только в содержательном плане, но также использует повествовательные стратегии, получившие широкое распространение в арабской литературе как традиционной, так и современной;
- В случае Амина Маалуфа выбор жанра исторического романа объясняется стремлением писателя показать причины и предпосылки важных проблем современности, а также поиском идентичности восточного геокультурного региона;
- Обращение к проблеме сосуществования цивилизаций Востока и Запада в историческом и современном контексте во многом объясняется результатом осмысления Маалуфом своей собственной судьбы, осознаваемой не изолированно, а в неразрывной связи с исторической канвой и общественными настроениями;
- Обращаясь к проблеме столкновения культур от произведения к произведению и помещая её в разные исторические эпохи от III века до XX века, Маалуф подчёркивает важность и вневременность данной проблемы для всего человечества;
- Маалуф указывает на кризис современного мира, вызванный истощением культур Запада и Востока, и призывает к его преодолению.

Позиция Амина Маалуфа, которая читается между строк каждого его романа, представляет собой попытку найти новый наиболее приемлемый

способ сосуществования культур в условиях современного мира. Маалуф выступает против игнорирования различий культур Запада и Востока и конфликтов между ними, против сужения идентичностей, которое причиняет страдания людям. Амин Маалуф не отрицает важности поиска диалога между Западом и Востоком, но указывает на несостоятельность современных попыток его достичь вроде политики мультикультурализма, которая не учитывает исторические причины современных явлений. Поэтому с культурологической точки зрения позиция Маалуфа более обоснована и убедительна, даёт больше возможностей для нахождения модусов мирного сосуществования. Личность писателя, его произведения и его позиция – это доказательство возможности мирного сосуществования Запада и Востока без притеснения и ущемления их фундаментальных ценностей.

Список использованной литературы

1. Баканов, 1989 – Баканов А.Г. Современный зарубежный исторический роман. Киев, 1989.
2. Бахтин, 2012 – Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М., 2012.
3. Гегель, 1938 – Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 12. М., 1938.
4. Долинина, 1973 – Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Просветительский роман 1870-1914 гг. М., 1973.
5. Кирпиченко, 1999 – Кирпиченко В.Н. Об «арабских формах» арабского романа и о пище духовной // Россия - Восток - Запад. М., 1999: 265-278.
6. Орлов, 1960 – Орлов С.А. Исторический роман Вальтера Скотта. Горький, 1960.
7. Петров, 1964 – Петров С.М. Русский исторический роман XIX века. М., 1964.
8. Прожогина, 1999 – Прожогина С.В. Литература XX в.: плоды африканского франкоязычия // Россия - Восток - Запад. М., 1999: 278-295.
9. Старикова, 2006 – Старикова Н.Н. Словенский исторический роман 1920 – 1930-х годов. Типология, генеалогия, поэтика. М., 2006.
10. Фейхтвангер, 1968 – Фейхтвангер Л. Лион Фейхтвангер. Собрание сочинений – Т. 12. М., 1968.
11. Фильштинский, 1985 – Фильштинский И. М. История арабской литературы: V – начало X века. М., 1985.
12. Щерблыкин, 1972 – Щерблыкин И.П. Русский исторический роман 30-х годов XIX века // Проблемы жанрового развития в русской литературе XIX века. Рязань, 1972.
13. Achour, 2006 – Achour C.C. Identité, mémoire et appartenance : un essai d'Amin Maalouf // Neholicon: Acta Comparationis Litterarum Universarium, 2006. №33 (1): 41-49.

14. Alami, 2003 – Alami A.O. L'épreuve de la voix : la narration face au personnage dans le roman francophone : le cas du Rocher de Tanios // Horizons maghrébins, 2003. №49: 31-45.
15. Alami, 2005 – Alami A. O. D'un livre d'histoire à un livret d'opéra : histoire et fiction chez Amin Maalouf // Horizons maghrébins : le droit à la mémoire, 2005. №52: 74-84.
16. Argaud, 2006 – Argaud E. Les appartenances multiples chez Amin Maalouf // Le français dans le monde, 2006. № 343: 32-34.
17. Bayeh, 2010 – Bayeh J. Diasporic Literature as Counter-History : Israel, Palestine and Amin Maalouf // Remaking Literary History, Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars, 2010: 167-178.
18. Boulafrad, 2009 – Boulafrad F. La représentation du temps dans Samarcande d'Amin Maalouf // Lettres romanes, 2009. №63 (1-2): 127-141.
19. Bourget, 2006 – Bourget C. The Rewriting of History in Amin Maalouf's The Crusades through Arab Eyes // Studies in Twentieth and Twenty First Century Literature, 2006. №30 (2): 263-287.
20. Calderón, 2008 – Calderón J. Êtres frontaliers // Voix plurielles, 2008. №5 (2): 122-132.
21. Castellani, 2005 – Castellani J.-P. Amin Maalouf à la recherche de ses origines // Thélème : revista complutense de estudios franceses, 2005. №20: 123-129.
22. Dakroub, 2011 – Dakroub F. L'Orient d'Amin Maalouf. Berlin, 2011.
23. Dupont, 2008 – Dupont C. La mémoire des origines chez Ying Chen et Amin Maalouf // Mémoires et identités dans les littératures francophones de Paris, 2008: 195-215.
24. El Kettani, 2012 – El Kettani S. Origines ou la fabrique romanesque d'Amin Maalouf // Nouvelles Études Francophones, 2012. №27 (1): 180-193.
25. El Nossery, 2009 – El Nossery N. L'identité diasporique dans Léon l'Africain d'Amin Maalouf // French Studies in Southern Africa, 2009.

№39: 45-58.

26. Ette, 2010 – Ette O. Amin Maalouf, l'exil et les littératures sans résidence fixe // Dans le dehors du monde : exils d'écrivains et d'artistes au XXe siècle, 2010: 309-327.
27. Hage, 1995 – Hage R. B. Nouveauté du roman d'Amin Maalouf // Francographies, 1995. №2: 23-30.
28. Johae, 2009 – Johae A. Transnational Identities in the Novels of Amin Maalouf // Transnational Spaces and Identities in the Francophone World, 2009: p. 289-302.
29. Khaled, 2017 – Khaled M. L'écriture d'Amin Maalouf à la lisière de deux langues: Une approche pluridisciplinaire. Paris: L'Harmattan, 2017.
30. Maalouf, 1983 – Maalouf A. Les Croisades vues par les Arabes. Paris, 1983.
31. Maalouf, 1986 – Maalouf A. Léon l'Africain. Paris, 1986.
32. Maalouf, 1988 – Maalouf A. Samarcande. Paris, 1988.
33. Maalouf, 1991 – Maalouf A. Les Jardins de lumière. Paris, 1991.
34. Maalouf, 1992 – Maalouf A. Le Premier Siècle après Béatrice. Paris, 1992.
35. Maalouf, 1993 – Maalouf A. Le Rocher de Tanios. Paris, 1993.
36. Maalouf, 1996 – Maalouf A. Les Échelles du Levant. Paris, 1996.
37. Maalouf, 2000 – Maalouf A. Le Périple de Baldassare. Paris, 2000.
38. Maalouf, 2003 – Maalouf A. In the name of identity: violence and the need to belong. New York, 2003.
39. Maalouf, 2004 – Maalouf A. Origines. Paris, 2004.
40. Maalouf, 2009 – Maalouf A. Le Dérèglement du monde : Quand nos civilisations s'épuisent. Paris, 2009.
41. Maalouf, 2012 – Maalouf A. Les désorientés. Paris, 2012.
42. Maalouf, 2014 – Maalouf J. Amin Maalouf. Itinéraire d'un humaniste éclairé. Paris, L'Harmattan, 2014.
43. Mourad, 2006 – Mourad S. De l'identité meurtrière à l'altérité salvatrice : la figure du narrateur dans le roman d'Amin Maalouf, Léon l'Africain // Dalhousie French Studies, 2006. №74-75: 73-84.
44. Naudin, 2002 – Naudin M. Le Proche-Orient et la France dans les romans

- d'Amin Maalouf // Francographies, 2002. №11: 125-133.
45. Neggaz, 2005 – Neggaz S. Amin Maalouf. Le voyage initiatique dans Léon l'Africain, Samarcande et Le rocher de Tanios. Paris, L'Harmattan, 2005.
46. Redouane, 1999 – Redouane N. Histoire et fiction dans Léon l'Africain d'Amin Maalouf // Présence francophone, 1999. №53: 75-95.
47. Said, 1978 – Said E.W. Orientalism. N. Y., 1978.
48. Soron, 2016 – Amin Maalouf : Heurs et malheurs de la filiation (directeur de la publication Antony Soron). Dax (France): Passiflore, 2016.
49. Autobiographie à deux voix [Электронный ресурс] // aminmaalouf.net: официальный сайт Амина Маалуфа. 2001. URL: <http://www.aminmaalouf.net/fr/sur-amin/autobiographie-a-deux-voix/> (дата обращения: 20.04.2017).